

МАРГАРИТА АБРАМОВА
НИКОЛЬ ФЕННИКС

ДОКТОР ВЕРА
— Я ИСЦЕЛЮ ТЕБЯ, —
ДРАКОН!

**Маргарита Абрамова
Николь Фенникс
Доктор Вера. Я
исцелю тебя, Дракон!**

<https://litres.ru/74276954>

Аннотация

Вера Грин знает цену предательству: в прошлом мире её подставили, оклеветали и едва не отправили в тюрьму. В этом — у нее своя лечебница, куча проблем и железное правило: не подпускать мужчин ближе, чем на расстояние скальпеля.

Но судьба подкидывает ей генерала-дракона. Раненого, упрямого, опасного. Он не желает лечиться, зато желает — её. И готов на всё, чтобы получить справку о годности к службе.

Вот только Вера больше не продаётся. Ни за должность, ни за угрозы, ни за золотистый блеск в глазах наглого дракона.

Не влюбиться — проще простого! А вот не убить его раньше, чем он долечится...

Содержание

ГЛАВА 1	4
Визуализация	14
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	35
ГЛАВА 6	41
ГЛАВА 7	54
ГЛАВА 8	68
ГЛАВА 9	84
ГЛАВА 10	91
ГЛАВА 11	103
ГЛАВА 12	115
ГЛАВА 13	121
ГЛАВА 14	127
ГЛАВА 15	138
ГЛАВА 16	149
Конец ознакомительного фрагмента.	151

ГЛАВА 1

ВЕРА

— Я ищу доктора Грин, — в мой кабинет вошел высокий мужчина в военном кителе.

Голос низкий, с хрипотцой, от которой у нормальных женщин, наверное, подкашиваются колени и губы расплываются в улыбке. Я только раздраженно поморщилась — опять оторвали от отчетности! Даже не подняла головы, продолжая выводить цифры в ведомости.

— Да, проходите. У вас что-то срочное?

Мужчина опирался на трость, а на лице пролег небольшой, но явно грубой шрам, который еще не зажил, и раз его не свели сразу, то видимо, последствия магического воздействия. В наше беспокойное время явление вполне частое и распространенное. Я такие раны уже на автомате определяла: края рваные, середина будто присыпана пеплом, заживает втрое дольше обычного.

Он сел вальяжно в кресло для посетителей и вцепился в меня взглядом.

Я физически ощутила этот взгляд — тяжелый и изучающий. Обычно так смотрят или очень опасные люди, или те, кто привык командовать. Судя по кителю и нашивкам, тут первое плавно перетекало во второе.

Я оторвалась от документов. Голова гудела. Бумажная во-

локита отнимает львиную долю времени, но без этого никуда. Королевская комиссия по здравоохранению требовала отчеты каждый месяц, и если я не сдам эти цифры завтра, лечебницу оштрафуют.

— Да, я миссис Грин.

— Когда вернется ваш супруг?

— Мой супруг? — переспросила, не понимая к чему он ведет. Что это за новости? Я вроде не успела обзавестись таковым, или что-то пропустила в суматохе врачебных будней? Усмехнулась мысленно. Двадцать четыре на семь не располагает к личной жизни, а романы на рабочем месте с некоторого времени для меня табу. Хватило! Одного раза было достаточно, чтобы навсегда выучить урок: мужчины и работа смешиваются в гремучую смесь, после которой лежишь уже не тело, а душу. Свою собственную.

— Ох, простите, — правильно расценил мою реакцию, уголки губ дрогнули в чуть заметной усмешке, — Видимо, мистер Грин ваш брат.

Я отложила перо.

— Это вы простите... Как ваше имя? И зачем вы тратите мое время. Единственный доктор Грин в этой лечебнице — это я. Ни мужей, ни братьев.

Мужчина засмеялся. Смех, надо отдать должное, у него был приятный. И только поэтому я не оборвала его сразу. Суровое лицо чуть разгладилось и стало доброжелательнее, шрам на скуле смешно сморщился, будто тоже улыбался. На

секунду я даже подумала, что он мог бы быть симпатичным, если бы не эта манера смотреть свысока и сомневаться в очевидном.

— Не вижу ничего смешного. Я Вера Грин, и это моя лечебница.

Он прищурился, отчего-то сомневаясь в моих словах. Брови сошлись к переносице, на лбу пролегла глубокая складка — явно привычная, въевшаяся за годы командования. Он смотрел на меня так, будто я была необъяснимой магической аномалией, которую следовало срочно зафиксировать и доложить по инстанции.

— Женщина — главный врач лечебницы?

— Все верно, — я начала понимать, откуда ветер дует. Потянулась за пером, чтобы продолжить заполнять бумаги, но передумала. Этот разговор явно затянется, — Вас что-то смущает?

Он промолчал, продолжая на меня смотреть.

Я же взгляд не отводила. Уже насмотрелась на подобное отношение. И я не обижалась, что он удивился моему статусу. Тоже проходили. В этом мире действительно тяжело пробиться женщинам до руководящих должностей. Прошла хозяйка лечебницы, миссис Эдна, восемь лет долбила местный муниципалитет, чтобы ей дали лицензию на самостоятельное ведение практики. Восемь лет, представляете? А я получила её за полгода, потому что Эдна написала завещание на мое имя.

— Хорошо, — он попытался закинуть ногу на ногу, но остановился. Видимо, забылся, что из-за болезни не может сделать привычный жест. Дернулся, поморщился, оставил ногу как была — вытянутой и явно беспокоящей его. — Я генерал Рикард Доркан. И мне нужна справка.

Дракон, значит.

Я внутренне вздохнула. Драконы — это отдельная песня. Самонадеянные, упрямые, привыкшие, что весь мир крутится вокруг их чешуйчатых задниц. У них регенерация, они считают себя неуязвимыми, и поэтому к врачам обращаются только когда уже почти трупы. А когда почти труп — лечить сложнее в разы. Этот, судя по трости и шраму, как раз из такой категории: до последнего терпел.

— Что за справка?

— Что я могу продолжить службу.

— И только?

— И только, — он кивнул, сверля меня взглядом, — В вашей лечебнице аккредитация военной комиссии. Без вашей подписи меня не допускают к службе.

Я окинула его еще раз, теперь уже другим, профессиональным взглядом. Оценивающим. Хирург внутри меня уже включил режим сканирования: осанка нарушена, опора на левую ногу, правая почти не участвует в движении, рука на трости дрожит мелкой дрожью — боль пробивает даже сквозь командирскую выдержку. Лицо бледное, под глазами тени, на лбу испарина, хотя в кабинете прохладно. Шрам на

скуле воспален по краям — магический ожог продолжает жрать ткани, он не обрабатывал его как следует, надеялся на драконью регенерацию. Дурак.

У меня возникли сомнения. Серьезные сомнения.

— Вы же можете ее предоставить? — в его голосе прорезались металлические нотки. Генерал привык, что ему не отказывают. Что его приказы выполняют. И тем более явно не привык, что какая-то женщина в белом халате будет смотреть на него как на подопытного кролика.

— Могу, — медленно поднялась из-за стола. Спина затекла от долгого сидения над бумагами, я повела плечами, — Идите за ширму.

Наши взгляды встретились. Его — настороженный, с тенью подозрения. Мой — уставший и уже предвкушающий, как придется объяснять этому дракону, что он не просто не годен к службе, а вообще должен лежать в стационаре ближайшие две недели, а не шастать по кабинетам с требованием справок. Эх, придется опять с отчетом полночи сидеть. Сама же отпустила заместителя, а такое я могла доверить только ему. Он единственный, кроме меня, умел работать с магическими повреждениями и имел допуск к военным.

Сейчас серьезнее подходят к военным из-за участвовавших случаев как раз запрещенных магических проклятий, которые имели отсроченный период. Нельзя было пропустить. Дознаватели до сих пор ищут, как они это делают. А мы,

врачи, теперь должны проверять каждого военного с особой тщательностью. Даже если он дракон. Даже если он смотрит на меня как на досадную помеху.

— За ширму? — он окинул кабинет взглядом, наконец заметив в углу белую ширму, за которой стояла смотровая кушетка. Секундная заминка. Пауза, которая длилась чуть дольше, чем нужно. А потом он посмотрел на меня. Снова. С тем самым выражением.

— Зачем?

Я не сдержалась и улыбнулась. Мужчины...

Уголки его губ снова дрогнули. Я сочла это за очередное сомнение в моих навыках. Как же с ними тяжело... Драконы, военные, мужчины — три в одном, самый взрывоопасный коктейль. Они готовы сутками обсуждать стратегию боя, но когда дело доходит до банального осмотра — у них включается режим «а давайте поторгуемся».

— Затем, что я должна вас осмотреть, чтобы выдать справку, — я говорила медленно, четко выговаривая каждое слово, будто объясняла ребенку, почему нельзя совать пальцы в розетку. — Раздеться до белья, сесть на кушетку и дать мне доступ к телу... А не просто расписаться в бумажке, потому что у вас красивые глаза и генеральский мундир.

Он хмыкнул, но спорить не стал. Поднялся, опираясь на трость, и направился за ширму.

Я же быстро вымыла руки. Отточенная годами привычка осталась со мной даже в этом мире.

Генерал сидел на кушетке. Рубашку и брюки он уже успел снять. Торс, надо отдать должное, был впечатляющим. Широкие плечи, рельефные мышцы, несколько старых шрамов, которые только добавляли брутальности.

Он сидел, откинувшись на стену, в позе, не оставляющей сомнений — расслабленной, даже слегка развязной. Нога, та самая раненая, была вытянута, а здоровую он согнул в колене и чуть отставил в сторону. И смотрел на меня. Снизу вверх.

Мужчин я не боялась и давно научилась на них реагировать. Никакие их неприличные шуточки или комплименты не выведут меня из равновесия. За два года в этом мире я слышала столько всего — от откровенных предложений до обещаний озолотить, если только соглашусь на «частный приём на дому». Научилась достойно отвечать, не теряя лица.

Но сейчас что-то было не так.

Наверно, просто усталость. Третий месяц без выходных, отчёты, долги, проблемы с поставками, а тут ещё этот... дракон. Развалился на кушетке, как на собственном диване, и смотрит так, будто я десерт, который подали к ужину.

И страшно вспомнить, сколько у меня никого не было.

Вера, одёрнула я себя мысленно. От них одни проблемы. Ты это знаешь лучше всех.

Я шагнула ближе, намереваясь просто сделать свою работу. Быстро, профессионально, не глядя ему в глаза.

Я наклонилась, чтобы лучше рассмотреть рану на вытя-

нутой ноге. Бинты нужно было снять аккуратно, не потревожив края...

И в ту же секунду его рука вдруг неожиданно коснулась моего бедра.

Я замерла. Воздух застрял где-то в горле.

Это длилось мгновение. Долю секунды, за которую я не успела ни отшатнуться, ни возмутиться. А его пальцы уже поползли вниз, по ткани платья, к колену, к подолу...

— Что вы... — выдохнула я, но договорить не успела.

Холодный воздух коснулся ноги там, где только что было платье.

И мир перевернулся.

Он рванул меня на себя, резко, сильно, и я полетела вперёд, теряя равновесие. Я попыталась выставить руки, чтобы не врезаться лицом в его грудь, но он уже ловил меня, притягивая ближе, усаживая на себя верхом, и его ладони сомкнулись на моих бёдрах мёртвой хваткой.

Дыхание сбилось. А он смотрел на меня теперь уже совсем близко, в несколько дюймов, и в глазах его плескалось что-то тёмное, голодное, опасное.

— Вы... — голос сорвался. Я сглотнула, пытаюсь взять себя в руки. — Вы с ума сошли? Немедленно отпустите!

— Зачем? — спросил он тихо. И рука его — наглая, тяжёлая — чуть сжалась на моём бедре. — Вы же сами сказали.

— Что я сказала?!

Он чуть приподнял бровь. На лице — ни тени раскаяния.

Только эта дурацкая полуулыбка и жаркий блеск в глазах.

— За ширму, — произнёс он медленно, будто смакуя каждое слово. — Раздеться. Доступ к телу.

Я дёрнулась, пытаюсь слезть с него, но его пальцы только крепче сжались, удерживая на месте. Этот невозможный, самоуверенный, наглый тип сидел подо мной с таким видом, будто всё идёт точно по его плану. Будто я — очередная покорная дура, которая поведётся на погоны и широкие плечи.

— Бросьте, Вера Грин. Я все понял. Вы мне справку, а я помогу вам... Я все понимаю... Долго без мужчины... — я просто потеряла дар речи от его наглости.

Долго без мужчины? Да как он смеет?! Откуда он вообще взял, что имеет право...

— А ну, руки убрал! — пришла в себя, вырываясь. Локоть врезался ему в грудь, колено дёрнулось, целя куда-то в район больной ноги, и он, наконец, разжал пальцы.

Я вскочила, отшатнулась к стене, едва не споткнувшись о стул.

А он... он медленно поднялся с кушетки. Без спешки. Без тени смущения. Взял брюки, натянул их, морщась, а затем и рубашку надел, неторопливо застёгивая пуговицы одну за другой. И смотрел на меня. Только, наконец, несколько иначе.

— А что ещё я должен был подумать? — вышел он из-за “укрытия”, застегивая рубашку, — Женщина-врач. Позд-

ний вечер. Пустой кабинет. Приглашение за ширму. И вы так смотрели...

— Я смотрела как врач! — прошипела я, чувствуя, как краска заливает щёки, шею, уши. — Я на вас смотрела как на пациента!

— Вы улыбались мне в кабинете. Намекали.

— Я намекала?! Ну, знаете ли.

Я сделала глубокий вдох. Потом ещё один. Сердце все никак не успокаивалось, в висках стучала кровь, и очень хотелось чем-нибудь тяжёлым запустить в эту наглую драконью морду.

— Слушайте меня внимательно, генерал, — сказала я, чеканя каждое слово. — Я улыбалась, потому что стараюсь быть вежливой с пациентами, даже когда они врываются без записи и тратят моё время. Я пригласила вас за ширму, потому что так положено по протоколу осмотра. Я попросила раздеться, потому что должна была проверить, не пошло ли проклятие по лимфотоку. А доступ к телу — это медицинский термин, который означает, что я имею право вас трогать в процессе осмотра, а не в процессе...

Я запнулась, подбирая слово.

— Чего? — подсказал он с интересом.

— Чего вы там себе навывдумывали!

Визуализация

Дорогие читатели!

Мы рады приветствовать вас в нашей новой истории!

Нас с вами ждет много увлекательных моментов. Даже не сомневаюсь, что попаданка Вера удивит не только нас, но и этого буку Доркана)))

Встречаем наших героев:

ВЕРА ГРИН

ГЛАВА 2

ВЕРА

— Ладно, — сказал он снисходительно, поправляя воротник рубашки. Тон такой, будто это он здесь главный, будто это я к нему пришла, а не наоборот, — Допустим, у нас возникло легкое недопонимание. Сейчас же мы можем продолжить разговор?

«Легкое недопонимание». Я чуть не рассмеялась ему в лицо. Легкое недопонимание — это когда пациент перепутал кабинеты. Или когда я ошиблась в дозировке лекарства на пару капель. А то, что этот дракон только что устроил за ширмой, тянет на совершенно другое определение.

Я открыла рот, чтобы высказать всё, что о нём думаю, но его взгляд вдруг задержался на моей груди, сбивая с мысли. Я так и замерла с открытым ртом, вовсе обалдевая от такой наглости.

— Это мне решать, не вам, — ответила твердо и вернулась за стол.

— Женщине идет быть сверху только в одном случае, — он до конца застегнул пуговицы рубашки, натянул китель и уставился на меня.

Я же внутри кипела от злости, но держала маску хладнокровия. Выдохнула через нос, медленно, как учила себя в самые тяжёлые минуты. Никогда не показывать им, что они

тебя задела. Никогда.

— Знаете, вы можете продолжать свои шуточки в другом, более подходящем месте. Там, уверена, их оценят, — я говорила ровно, спокойно, даже с лёгкой скукой в голосе, — А сейчас закройте дверь. С той стороны. И не мешайте мне работать.

Я демонстративно уткнулась в бумаги, делая вид, что разговор окончен. Внутри всё klokотало, но я даже бровью не повела. Хотя мое терпение заканчивалось.

— Напомнить вам причину моего визита? — его голос стал ниже.

— Не нужно. Рассеянным склерозом пока не страдаю, мистер Доркан, — я подняла на него глаза, встречая тяжёлый взгляд, — Лечиться или нет — личное дело каждого. Но учитывая ваше состояние, справку вы не получите.

Он замер.

Секунду смотрел на меня так, будто я сказала что-то на незнакомом языке. А потом медленно подошел ближе, отставляя трость и опираясь руками на мой стол, наклоняясь вперёд.

— Вы мое состояние оценили за одну минуту? — голос тихий, вкрадчивый, опасный, — Сидя на мне верхом?

Он полыхал взглядом. В прямом смысле — в глазах зажглось золотистое пламя, зрачки вытянулись, став вертикальными, как у ящера. И он уже не улыбался.

Расстояние между нами сократилось до нескольких дюйм-

мов. Я вновь почувствовала его запах — терпкий одеколон с нотками цитруса. Отчетливо видела его шрам, и даже морщинки, залегшие в уголках глаз.

— Я оценила ваше состояние, — сказала, не отводя взгляд, — по тому, как вы вошли. По тому, как опирались на трость. По цвету лица и состоянию вот этого шрама, — мой палец коснулся его лица, что он от неожиданности вздрогнул.

Кожа под пальцем оказалась горячей, воспалённой по краям, и я на секунду даже забыла, что мы сцепились в словесной перепалке. Профессиональное взяло верх.

— Края не сведены. Магический ожог продолжает жрать ткани. Вы его ничем не обрабатывали, надеялись на регенерацию.

Он перехватил мою руку. Сжал запястье — не больно, но крепко.

— Вы всегда позволяете себе тыкать в пациентов?

— Только в тех, кто не даёт себя осмотреть нормально, — я высвободила руку, — Вы не дали мне осмотреть рану на ноге более пристально, потому что были заняты своими... фантазиями. Но я уверена, что она хуже, чем на лице. И тоже имеет магический характер. Я не первый раз сталкиваюсь с подобным. На лечение данного заболевания необходимо минимум две недели. И никаких справок до полного выздоровления.

Он прищурился.

— У меня нет столько времени. И я прекрасно себя чувствую. А остальное уже ваши ... фантазии, — вернул мне ответ. — Признайтесь просто, что я вам понравился и вы таким способом захотели привлечь мое внимание.

— Упаси всевышний! — выдохнула я, чувствуя, как брови сами ползут вверх. Вот это самомнение! Драконья натура во всей красе. — Я бы хотела вас больше не встречать. Но увы... вынуждена все это выслушивать. Вы можете проконсультроваться у любого другого доктора, и он ответит вам то же самое.

— Вы...

— Да?

Мы схлестнулись взглядами, и я приготовилась выслушивать новую порцию оскорблений, даже стало интересно насколько низко он сможет опуститься.

Я смотрела на него не моргая, не отводя глаз. Внутри бурлила злость пополам с каким-то диким азартом — ну давай, думала я, скажи ещё что-нибудь. Дай мне повод тебя вышвырнуть. Дай мне право с чистой совестью вызвать охрану и забыть о твоём существовании. Я даже заготовила пару фраз на случай, если он продолжит в том же духе.

Но на удивление он выдохнул.

Шумно, тяжело, будто сбрасывал напряжение. Выпрямился, одёрнул китель, взял трость, и сделал шаг назад. Деланно ровно встал, почти не опираясь на трость.

Но я-то всё видела. Слишком глубоко впились пальцы в

набалдашник, когда он переносил вес. Слишком явно дрогнули уголки губ от боли, которую он пытался скрыть за маской невозмутимости.

— Хорошо, — сказал он другим тоном. Деловым. — Сколько?

— Я уже сказала. Минимум две недели.

— Нет, — он вновь шагнул к столу, наклонился, подхватил чистый листок бумаги и протянул мне, — Сколько вы желаете за справку? Укажите, и я расплачусь.

Я посмотрела на листок. Потом на него. Потом снова на листок.

Боже, какой длинный день. Я сегодня так устала, меня ждут отчеты, еще вечерний обход пациентов, а я слушаю этого мужчину, теряя свое драгоценное время. Ему каким-то образом удалось вывести меня из равновесия. Он ударил по всем фронтам!

— Вы что... предлагаете мне взятку?

Я чуть не вскочила. Честное слово, вскочила бы и вытолкала этого наглеца вон. Хамство, домогательства, теперь ещё и взятка? Да что он о себе возомнил?

Но потом...

Потом пришло осознание — начались торги.

Я смотрела на него и вдруг увидела человека, который проходит через классические стадии принятия неизбежного.

Отрицание, гнев, торги... принятие. Кажется между тор-

гом и смирением было что-то еще. Депрессия...

Я представила как высокомерный дракон вот-вот разрыдается, закусила губу, чтобы не рассмеяться.

Следом идут депрессия и принятие, и я прямо сейчас наблюдала третью стадию в действии. Нужно не спугнуть.

— Что я сказал смешного? — спросил он, все же замечая мою реакцию.

Мне даже показалось, что в голосе проскользнула растерянность. Я пробила его броню. Пусть на секунду, пусть случайно, но пробила. Что ж, не ему одному выводить меня из состояния равновесия. В этом мы с ним квиты.

— Не взятку, — добавил он торопливо, — Это всего лишь щедрое пожертвование. Наверняка лечебнице необходимы средства. Я могу их предоставить.

— Конечно, можете, мистер Доркан, — кивнула, стараясь, чтобы голос звучал мягче. Не потому что он этого заслужил, а потому что торги — это уже прогресс. — Официально. Как и пройти свое официальное лечение. Получить официальную справку и отправиться куда вам нужно в нормальном состоянии.

— Где не подведёте ни себя, ни кого бы то ни было под удар, — добавила, пытаясь достучаться до его разумности.

Генерал, который двадцать лет командовал людьми, должен понимать цену каждой жизни. Своей в том числе.

— Через неделю мой отряд отправляется к границе, — сказал он тихо, и в голосе не осталось ни самоуверенности,

ни наглости, — Командиром назначили неопытного юнца. Зелёного, не нюхавшего пороха. Он их всех положит в первом же бою. Я должен быть там.

В глазах появилась печаль. Похоже, говорит правду. И значит, это предпоследняя стадия.

Следом — принятие. Но до него ему ещё нужно дойти.

— Иногда у нас нет выбора, — резанула правдой.

Я вздохнула.

— Простите, но я, как и вы, намерена достойно выполнять свою работу. Я, даже не смотря на ваше поведение, готова оказать вам помощь. Хотя с превеликим бы удовольствием выставила бы вон. Но так уж и быть, спишу это на мучающую вас продолжительное время боль, приводящую к вспышкам агрессии и раздражительности. Приходите завтра и мы оформим вас в лечебницу. Возьмите с собой сменные вещи. Остальное у нас все имеется.

Он смотрел на меня долго. Смесь эмоций на лице менялась так быстро, что я не успевала их считывать.

— Завтра, — повторил он наконец.

— А сегодня я вам выпишу обезболивающее, — я потянулась за рецептурным бланком. — И направление на срочную госпитализацию. С ним вас примут в любой момент.

— Не нужно мне какое обезболивающее. Я прекрасно себя чувствую. А вы, Вера Грин, завтра будете более любезной и напишете мне справку. И я буду тоже весьма любезным не портить вам карьеру.

— Вы мне угрожаете, мистер Доркан?

Похоже, принятия так и не произошло. Зря я радовалась, зря думала, что мы перешли на какой-то новый уровень. Отрицание, гнев, торги — и снова гнев, по спирали вверх. Этот дракон был не из тех, кто легко сдаётся.

— Нет, мисс... миссис Грин, — он поправился, выделив обращение, будто дразня, — Я просто напоминаю вам о вашей дальновидности. О том, что разумные люди не спорят с теми, у кого больше возможностей.

Он развернулся — медленно, с достоинством, стараясь не хромать — и вышел.

Я осталась одна. Можно выдохнуть.

Но выдохнуть не получалось.

Потому что его фраза "напоминаю вам о вашей дальновидности" — застряла в голове и потянула за собой ниточку...

И накрыло.

Флешбеком. Тяжёлым, липким, от которого внутренности скрутило узлом.

"Вера, подумай о своей карьере!" — забытый голос всплыл в памяти, обжигая разум.

Я зажмурилась, но это не помогло. Я снова была там. В прошлом мире. В той жизни, которую потеряла.

Данная история пишется в рамках литмоба "Вторая жизнь лекаря" 18+

<https://litnet.com/shrt/9BBn>

*13 историй о сильных и прекрасных попаданках-лекарях
от которых Ваше сердце будет биться быстрее!*

ГЛАВА 3

РИКАРД

— Подумать только, меня отшила какая-то старая дева!
— я отшвырнул ненавистную трость. Я уселся в кресло, откинул голову назад, прикрыл веки, пытаюсь успокоить гнев, который всё ещё клочкотал в груди.

Чёртова баба. Чёртова лечебница. Чёртово ранение.

Рядом засмеялся Рунер.

— Ну ты даёшь, — протянул друг, развалившись в соседнем кресле с бокалом в руке, — Я должен был это видеть. Генерал Доркан, гроза северных границ, победитель в двадцати трёх сражениях, и какая-то женщина выставила его вон.

— Заткнись, — буркнул я, не открывая глаз.

Но Рунер только сильнее засмеялся, ещё больше раздражая.

Чёртова нога действительно ныла не переставая. Даже сейчас, когда я сидел расслабившись, боль пульсировала где-то глубоко внутри, отдавая в бедро и поясницу. Но она пройдёт. Должна пройти. Драконья регенерация ещё ни разу не подводила.

— Ты уже и её семейное положение узнал? — Рунер сделал глоток, с интересом наблюдая за мной.

— Да что его узнавать, — я поморщился, пытаюсь устроить ногу поудобнее, — Ни мужа, ни детей. В свои сорок...

— я прибавил возраста для верности. Хотя на самом деле женщина выглядела от силы на тридцать, что ещё страннее. Как в таком возрасте получить такую должность? Наверняка отец был доктором и передал ей по наследству. Или любовник какой влиятельный. Хотя вряд ли, с таким-то характером.

— Злющая от... — я не договорил, но друг и так понял, чем лечат женскую истерию, — Ей самой две недели в стационаре не помешают.

— Вот и совмести приятное с полезным, — Рунер подмигнул. — Или она такая страшная, что не захочешь?

Я вспомнил эту Веру Грин. Светлые пшеничные волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались непослушные пряди. Большие глаза, кажется, серые или голубые, в полумраке кабинета было не разобрать. Тонкие запястья, но весьма сильные. Губы... губы я запомнил хорошо. Пухлые, но источающие словесные гадости. Им бы подошли громкие стоны, а не вот эти нравоучения.

Нет, страшной она точно не была. Скорее наоборот.

Но то, как она от меня шарахнулась, указывало, что мужика у неё точно нет.

Хм...

Может, и правда стоит этим воспользоваться? Действовать более мягко, а не идти напролом. Я привык брать своё силой, но здесь сила не работала. Эта женщина не боялась ни моего звания, ни моего положения.

Такие честолюбивые бюстительницы справедливости не подпустят к себе под юбку, если давить слишком сильно. Нужно действовать более деликатно.

— О, этот настрой мне больше нравится, — усмехнулся Рунер, — Давно ты не заводил интрижек. А тут такая... пикантная ситуация.

— И не такие крепости брали, — проворчал я, открывая глаза, — Я воевал против тысячных армий, с одной женщиной не справлюсь, что ли?

— Судя по сегодняшнему вечеру — есть сомнения, — хмыкнул друг.

Я метнул в него тяжёлый взгляд, но Рунер только отсалютовал бокалом.

— А ты не можешь через свои связи? — все же спросил у нее, — У тебя же есть везде люди.

Я вздохнул.

Думал, что всё быстро улажу, что время ещё есть. Что приду, надавлю авторитетом. А вчера пришло письмо от генерала Бирхера. О моём отряде. О том, что они отправляются к границе через неделю. И о том, что командование временно поручили какому-то юнцу, выпускнику академии, у которого за душой ни одного боевого выхода.

Я думал, что уладить это не составит труда. Договорюсь, заплачу, если требуется. Подмажу, где надо. Но эта Вера Грин...

— Эта лечебница под государственным контролем, —

сказал друг, — Там всё глухо. Военная комиссия присылает своих проверяющих. Даже если я подключу все свои связи, на обход уйдёт те же две недели.

Я потёр лицо ладонями. Усталость навалилась тяжёлым грузом. Весь этот день — переговоры, дорога, эта чёртова лечебница, а теперь ещё и боль в ноге, которую уже невозможно игнорировать.

— Значит, будешь её охмурять, — резюмировал Рунер. — Чего проще? Женщина одинокая, при должности, явно не избалованная вниманием. Придёшь завтра с цветами, извинишься, скажешь, что был неправ. Они это любят.

— С цветами? — я скривился.

— С цветами, — подтвердил друг, — И комплиментами. И взглядом вот этим вот... — он изобразил нечто, что, по его мнению, должно было выглядеть соблазнительно, но выглядело скорее комично.

Я закатил глаза.

— Ты идиот.

— Я тот, у кого была куча женщин, и все довольные, — парировал Рунер. — А ты... ну, когда ты в последний раз кадрил кого-то, а не пользовался славой и погонами?

Я задумался.

Давно. Очень давно.

— Вот то-то же, — удовлетворённо кивнул друг, — Так что слушай опытного товарища. Цветы, извинения, мягкий напор. И через три дня она сама предложит тебе эту справку,

лишь бы ты позже приехал к ней вновь.

Я снова закрыл глаза. Перед мысленным взором предстала эта бестия с распущенными волосами, с задранном подолом, перекинутой через свой стол, и я яростно таранящий ее сзади...

Чёрт.

Может, Рунер и прав.

— Ладно, — сказал я, открывая глаза, — Завтра посмотрим.

— Вот это мой генерал, — усмехнулся друг, поднимая бокал, — За победу!

ГЛАВА 4

ВЕРА

Ординаторская была погружена в полумрак, только настольная лампа освещала стопку документов с историями болезней пациентов. Желтый круг света выхватывал из темноты до боли знакомые очертания комнаты. Моя смена. очередное дежурство, которое я взяла, чтобы помочь коллеги. У Светки заболел ребенок.

Я толкнула дверь, сжимая в руке забытый Костин телефон, и замерла.

Тишина. Только приглушенные звуки из-за высокого кожаного дивана, стоящего в углу.

Сначала я увидела ее. Рыжие волосы разметались по подлокотнику, пальцы впивались в обивку. Заведующая отделением Анна Валерьевна. Женщина, которая все это время учила меня преданности профессии, строго спрашивала отчеты, хвалила за успехи в ординатуре, обещала блестящее будущее. А теперь, видимо, учила кое-чему другому мужчине, нависшего над ней.

Моего жениха. Костю.

Телефон выскользнул из пальцев.

Все внутри оборвалось. Ноги стали ватными. Я чувствовала, как земля уходит из-под ног. Но я стояла, как статуя, не в силах пошевелиться. Телефон выскользнул из пальцев

и с гулким стуком упал на пол.

За диваном все замерло. Секунда. Две. Потом из-за спинки показывается сначала взлохмаченная Костина голова, а следом за ней испуганное лицо Анны Валерьевны. Рыжие волосы в беспорядке, губы распухшие, халат распахнут.

– Вера? – Костя вскочил, на ходу натягивая брюки и застегивая рубашку, – Вер, ты не так все поняла!

Я молча развернулась и пошла к выходу. Ноги не слушались, голова начала сильно болеть тупой, пульсирующей болью, а в глазах периодически темнело. Коридор больницы тянулся бесконечной чередой ламп, дверей, постаментов с капельницами. Я хотела только одного — исчезнуть.

– Вера! Стой! – он догнал меня в коридоре, схватил за локоть и развернул к себе. Лицо его было бледным, взгляд бежал, но голос уже набирал уверенность, – Ну посмотри на меня! Это ничего не значит!

– Ничего не значит? – я выдернула руку, будто обожглась. Говорить было тяжело, голос казался чужим, словно это говорила не я, а кто-то другой — тот, кто наблюдал за этой сценой издалека. – Пять лет! Пять лет, Костя! Я готовилась к свадьбе... квартиру выбирала...

Я замолчала, потому что голос сорвался. Перед глазами стояли фотографии свадебных платьев, которые мы листали вместе месяц назад. Его улыбка. Его обещания...

– Вер, ну подумай сама! – его голос вдруг стал твердым, даже жестким. Куда делась эта дурацкая виноватая улыбка?

Он выпрямился, смотрел на меня уже не снизу вверх, а почти свысока. – Я мужик, как я буду себя чувствовать, если моя женщина зарабатывает больше меня? Ты должна понимать.

Я моргнула. Что?

– А заведующая... это просто шаг по карьерной лестнице. Ты же хочешь, чтобы у нас всё было хорошо? Чтобы я мог обеспечить семью? – он говорил быстро, будто репетировал эту речь заранее. – Ты сейчас ординатуру блестяще заканчиваешь, тебе пророчат место заведующей! А я? Я вечно в тени! Ты должна понимать! Смотри на перспективу!

А я смотрела на него и не узнавала. Куда делся тот заботливый парень, который встречал меня после ночных смен с кофе и круассанами? Который говорил, что гордится мной? Сейчас передо мной стоял совершенно незнакомый мужчина. Чужой. От которого начинало тошнить.

– А Анна Валерьевна... – продолжил он, не встречая сопротивления, видимо, принимая мое молчание за согласие, – Она обещала мне повышение. Я всё делаю только для нас! Для нашего счастливого будущего!

– Нашего счастливого будущего? – усмехнулась я. Губы слушались плохо, но усмешка вышла кривой, злой. – Не нашёл никакого другого способа, как переспать с моей начальницей? Какой же ты жалкий.

Я ушла. Просто ушла прочь. Мне не хотелось его больше видеть. Я не понимала, как дальше смогу работать в этой больнице, смотреть на Анну Валерьевну.

Больше я в ту больницу не возвращалась.

А через неделю пришла повестка.

Анна Валерьевна, чье внезапное расположение к Косте я имела несчастье увидеть, оказалась женщиной мстительной. И умной. Исчезновение ампул с сильнодействующим препаратом из моего отделения, поддельные подписи в журнале учета, ложные показания "свидетелей" — всё было подстроено очень чисто. Профессионально.

Меня вызвали на допросы. Все стали смотреть с презрением после этих слухов. Следователь — уставший мужчина с мешками под глазами — смотрел на меня и не верил ни единому моему слову. Он видел таких, как я, каждый день. Врачей, медсестер, провизоров, которые "случайно" забывали списать лекарства.

— Ваша карьера, Вера Сергеевна, закончена. Если дело дойдет до суда — сядете лет на пять.

Я вышла из здания прокуратуры под проливной дождь. Холодные струи хлестали по лицу, смешиваясь со слезами, которые я с невероятным трудом сдерживала в кабинете. Там, перед следователем, я держалась. Гордо подняла голову, отвечала четко, не оправдывалась. Но здесь под дождем я чувствовала только пустоту.

Костя даже не позвонил.

Ни разу.

Сжег все мосты быстрее, чем я успела моргнуть.

Я шла, не разбирая дороги. Завернула в какой-то пере-

улок, лишь бы подальше от людей, от их взглядов. Мне казалось, что все вокруг знают. Что на мне будто выжжено клеймо позора. Воровка. Преступница. Женщина, которую предали и бросили.

Краем глаза заметила черный провал люка, который кто-то забыл закрыть. Но было поздно. Нога шагнула в пустоту, в горле застрял крик, я не успела ничего сделать. Не получилось даже схватиться за металлический контур... Я провалилась в темноту.

Я открыла глаза.

В кабинете всё так же горел приглушенный свет. Я сидела за своим столом, сжимая в пальцах перо, и пыталась прийти в себя.

Руки дрожали.

Два года. Два года прошло с того момента. А воспоминания были такими же острыми, болезненными, будто это случилось вчера. Будто я всё ещё стояла под тем дождем, всё ещё чувствовала ледяные капли на лице и пустоту в груди.

Перед глазами снова появился образ того генерала. Рикарда Доркана. Его наглая улыбка, золотистый блеск в глазах, тяжелая ладонь на моем бедре.

«Напоминаю вам о вашей дальновидности».

Конечно. Угрозы, шантаж, «подумай о карьере». Как же я это всё ненавижу. Мужчины всегда считают, что женщины обязаны играть по их правилам. Подстраиваться. Уступать. Прогибаться.

Я медленно выдохнула, разжала пальцы и отложила перо.
– Ну уж нет, генерал, – сказала я пустому кабинету, – Меня не купить. Ни должностью, ни угрозами, ни золотистым блеском в глазах. Я не продаюсь.

Я взяла чистый лист бумаги и начала писать направление на госпитализацию. Крупно, четко, не оставляя места для маневра. Пусть только попробует не явиться. Я ему такую «дальновидность» устрою, что своих не узнает.

А завтра... завтра будет новый день. И, кажется, очень тяжелый. Потому что драконы просто так не сдаются. Я это уже поняла.

Но и я – не та Вера, которую можно сломать угрозами.

ГЛАВА 5

ВЕРА

Утро началось с того, что я пожалела о своей вчерашней храбрости.

Ровно в восемь утра, когда я допивала вторую кружку от-вратительно крепкого кофе, пытаюсь взбодриться после бес-сонной ночи с отчетами, в дверь постучали. Коротко, дело-вито... и не дожидаясь ответа зашли.

– Доктор Грин, – медсестра возникла на пороге с таким выражением лица, будто увидела привидение. – Там это... к вам посетитель.

– Пациент? – уточнила я, отставляя кружку, – Направле-ние на госпитализацию принес?

– Не совсем... – девушка замялась, теребя край фартука. Глаза ее горели неподдельным любопытством. – Там мужчи-на... с цветами... очень впечатляющий мужчина.

Я вздохнула.

– У нас тут лечебница, а не цветочный магазин. Отправь его сразу в отделение, я подойду позже. И скажи, чтобы го-товили палату, сегодня поступает генерал Доркан.

– Так это он и есть! – медсестра взмахнула руками. – Ге-нерал! Я его по портретам в газетах узнала! Вер, ты чего?! О же легенда! Герой войны! И такой... – она мечтательно за-катила глаза, – красивый, хоть и со шрамом.

– Легенда, герой, – проворчала я, поднимаясь, – И при этом идиот, который не дает себя лечить. Ладно, сама с ним разберусь. Где он?

– В холле первого этажа. Но ... там такое...

Я уже не слушала. Быстро накинула халат и вышла из кабинета. Цветы, значит. Решил сменить тактику? Вчера были домогательства и угрозы, сегодня – ухаживания. Интересно, что будет завтра? Предложение руки и сердца?

Спускаясь по лестнице, я уже мысленно готовила речь о том, что романтические жесты не заменят курс лечения. Но когда я увидела генерала... речь пришлось отложить.

Он стоял посреди холла, как памятник самому себе. Высокий, прямой, в идеально выглаженном мундире при этом опираясь на трость, но все же... стоял, гордо расправив плечи, и только по едва заметному напряжению в челюсти можно было догадаться, чего ему это стоит.

И да, в руках у него действительно был букет.

Точнее, то, что от него осталось.

Когда-то это явно были роскошные белые розы. Дорогие, с длинными стеблями, перевязанные атласной лентой. Но сейчас букет напоминал поле боя после проигранного сражения. Бутоны были смяты, лепестки облетели и печальным снегом устилали пол вокруг генеральских сапог. Несколько стеблей печально сломаны, лента болталась где-то сбоку жалкой тряпочкой.

А генерал... генерал был в бешенстве.

Я это поняла не по лицу, держался он безупречно, только скулы чуть заметно ходили желваками. Я поняла это по глазам. В них полыхал огонь.

Рядом с ним, вжав голову в плечи, переминался с ноги на ногу перепуганный санитар. На рукаве его халата расплывалось мокрое пятно, а в руках он судорожно сжимал пустое ведро.

Я все поняла.

– Доктор Грин, – голос Доркана звучал спокойно, но от этого тона веяло холодом так, что холл мгновенно опустел. Медсестры... даже пациенты – все исправились, – Ваше заведение встречает посетителей... весьма оригинально.

Я подошла ближе, старательно пряча улыбку. Нельзя, не сейчас. Он и так на взводе.

– Генерал, – поздоровалась, кивнула, и бросив взгляд на оторопелого санитаря.

– Я мыл полы! – залепетал парень, – Честно мыл! А он... он не заметил! Ведро стояло... а он прямо в него... – парень нервно сглотнул, глядя на генерала с ужасом, – Я не специально! Правда! Он сам!

– Сам, – повторил Доркан. Голос его сочился сарказмом, – Разумеется, я сам залез ногой в ведро с грязной водой. А потом, когда выбирался, случайно приложил букет о подвернувшуюся швабру, – он перевел на меня тяжелый взгляд, – Ваш санитар...

– Ты можешь идти, – кивнула я парню.

Санитар пулей вылетел из холла, прихватив с собой ведро. Я посмотрела на генерала, на останки букета в его руке... на его ярость, но взяла себя в руки, хотя вся эта ситуация казалась мне комичной и абсолютно абсурдной.

– Спасибо за цветы, – сказала максимально серьезно, протягивая руку. – Очень... неожиданно.

Он посмотрел на букет, потом на меня. И вдруг, к моему изумлению, не выбросил его и не швырнул мне в лицо. Просто протянул эти жалкие остатки былой роскоши.

– Держите, – буркнул он, – Раз уж я их сюда принес.

Я приняла букет. Несколько лепестков тут же осыпались мне на туфли.

– Поставлю в воду. Думаю... они еще могут прожить пару дней.

– Как и я без справки, – моментально отреагировал он, – Я надеюсь, вы пересмотрели свое решение? Я готов обсудить любые условия.

Ага, пересмотрела. Особенно после того, как вчера он угрожал моей карьере.

– Конечно, генерал, – я улыбнулась самой теплой улыбкой, на которую была способна, – Я готова обсудить все условия вашего пребывания в больнице. Пройдемте в приемный покой, нам необходимо оформить вас.

– То есть вы согласны выдать справку?

– Я согласна, – развернулась и пошла к регистратуре, – Оформить вас на стационарное лечение сроком... на четыр-

надцать дней. Сестра! – позвала я одну из сотрудниц, которая тут же вынырнула из-за угла, – Заполни на генерала карту. Экстренная госпитализация.

– Что? – он замер на месте.

Я обернулась.

– Экстренная госпитализация, – повторила более громко, – По направлению, которое я выписала вам вчера. Вы же взяли его с собой?

– Я ... – он запнулся, – Я думал, это была шутка. Или формальность.

– Ничего подобного, – покачала головой. – Я врач. Я не шучу, когда речь идет о здоровье. Тем более о здоровье человека, от которого зависят жизни солдат, – Я сделала паузу, наслаждаясь его лицом. – Проходите в смотровую, вам подскажут. – Я кивнула в сторону медсестры.

– Доктор Грин, – он шагнул ко мне, понизив голос. – Давайте поговорим, как разумные люди. Мне нельзя ложиться в больницу. Через неделю отбытие. Я должен...

– Вы должны долечиться, – перебила я. – Или хотите подвести солдат в самый ответственный момент? Упасть в обморок от боли? Не обернуться во время боя и подставить свою спину под удар?

Он замолчал. Я попала в точку, он это знал.

– Вы... как вы можете... Мой дракон меня еще ни разу не подводил.

– Я врач. Я не просто могу, я обязана, так как несу от-

ветственность за все, что происходит с пациентом. Вас про-
водят. И да...сапоги снимите в приемном покое, не хватало
еще, чтобы вы грязь по палатам разносили.

Глаза его сверкнули. Он открыл рот, явно собираясь ска-
зать, что-то язвительное, но... видимо, передумал. Только
покачал головой и пошел за медсестрой.

Я осталась одна в холле. Посмотрела на букет в руках. Ро-
зы, даже израненные, пахли потрясающе. Бедные цветы. Не
повезло им с доставкой.

После отправилась к себе, бережно неся изуродованные
розы. Поставила их в воду, расправила помятые лепестки.

Красивые. Дорогие.

И совершенно неуместные.

Как и их даритель.

Интересно... сколько он продержится, пока не попыта-
ется сбежать?

Я села за стол и открыла его карту. Диагноз предвари-
тельный – магическое поражение тканей с осложнениями.
Обострение после физической нагрузки. Болевой синдром.

Лечение – постельный режим, полный покой, ежедневные
перевязки с применением моих специальных заживляющих
мазей. И никаких справок.

ГЛАВА 6

БЕРА

Помимо упрямого генерала на лечении в больнице находилось двадцать три человека. Кто-то поступил с банальным воспалением легких, кто-то с переломом после неудачного падения с лошади, кто-то с магическим ожогом, полученным на производстве. Были и хронические больные — пожилой господин с сердечной недостаточностью, женщина средних лет с неизлечимой, к сожалению, болезнью крови, двое детей с врожденными патологиями, которых местная медицина лечить не умела, а я только училась.

Плюс ко всему за нами числились обязательные выезды на дом. Это связано с получением государственного гранта, как и обследование военных. Без государственных субсидий обеспечить лечебницу инвестициями вряд ли вышло бы. Найти спонсоров не так просто. С государством хоть и волокиты и отчетности в разы больше, в любом из миров, но хоть какая-то стабильность.

Каждое утро начиналось с обхода. Я проходила по палатам, слушала жалобы, проверяла повязки, корректировала лечение. Затем отправлялась в свой кабинет решать организаторские дела. На прошлой неделе у нас переманили двух врачей и уволилась одна медсестра. Персонала катастрофически не хватало.

— Доктор Грин, — медсестра Лия, запыхавшаяся, с выбившейся из-под чепца прядью темных волос, заглянула ко мне в кабинет, — Там это... наш новый пациент. Генерал. Он отказался от завтрака. И от перевязки тоже отказался. Сказал, что будет ждать только вас.

Я вздохнула. Ну конечно.

— А Эрест? — я имела в виду своего заместителя, молодого целителя, которого сама выучила и которому доверяла сложные случаи, — Он предлагал свои услуги?

Генерал ведь так желал врача мужчину!

— Предлагал, — Лия замялась, — Генерал его даже слушать не стал. Сказал, что если сунется какой-то мальчишка, он его в окно выкинет. Дословно.

Я закатила глаза.

— Эрест, конечно, обиделся?

— Есть немного. Сказал, что генерал — невозможный тип и что он умывает руки.

— Ладно, сама разберусь.

Я направилась к палате генерала, мысленно готовясь к новому раунду переговоров. Этот дракон явно решил сделать мою жизнь максимально интересной.

Генерал занимал отдельную палату на втором этаже. Я отдала ему платную палату, понимая, что из общей он точно сбежит. А мне нужно его спокойно вылечить и отправить куда он там хочет.

Генерал сидел на кровати, свесив ноги. Без мундира, в одной рубашке, расстегнутой на груди. Раненая нога была вытянута, перевязку ему так и не сделали. Вид у пациента был такой, будто его заперли в клетке с дикими животными, а не положили в лучшую палату с видом на сад.

— Доктор Грин, — он поднял на меня тяжелый взгляд. В голосе проскользнуло что-то похожее на удовлетворение, — А я уж думал, вы меня решили игнорировать.

— Я была занята другими пациентами, — ответила, закрывая дверь, — В отличие от вас, они не капризничают и позволяют себя лечить.

— Я похож на капризную девицу? — спросил он мрачно, сверля меня взглядом.

— Есть немного. И что за недоверие к молодому персоналу? Молодой не значит — неспособный.

— Я бы с вами поспорил.

Еще бы, даже не сомневалась. Я прекрасно помнила его вчерашние высказывания в отношении нового командного состава его отряда.

— У вас дискриминационное отношение на лицо и к женщинам и к молодым сотрудникам.

Жаль в этом мире нет психологов, а то моей обязательной рекомендацией было посещение данного специалиста.

— А Эрест в его возрасте уже спас десятки жизней, — продолжала я, — И между прочим, он прекрасный целитель. Лучший из тех, кого я обучала.

— Мне плевать, — генерал откинулся на подушку, всем видом показывая, что разговор окончен, — Я буду лечиться только у вас. Или никак.

— Я не могу уделять внимание только вам, у меня есть и другие больные. А не доверие к моему персоналу наносит оскорбление, лично мне, — твердо произнесла я.

Я уже была готова развернуться и уйти, как он остановил меня.

— Мой дракон, доктор Грин, после вчерашнего осмотра желает, чтобы его осматривали только вы.

— Еще утром вы вообще не желали лечиться.

— Но я же здесь, — он развел руками, будто это всё объясняло, — Так что ваши действия сами спровоцировали...

— Вы серьезно? — перебила его, не желая выслушивать продолжение ситуации с ширмой еще раз. Воспоминания о том, как он усадил меня на себя верхом, все еще заставляли щеки гореть.

— Абсолютно, — он смотрел на меня в упор, и в глазах его плясали знакомые чертики, — Так что либо вы, либо никто.

Я слушала и не верила своим ушам.

— Вы это сейчас придумали? — спросила я скептически.

— Нет, — он вдруг стал серьезным, — Чистая правда. Спросите любого дракона. Мы с трудом подпускаем к себе посторонних. Особенно когда ранены. Особенно когда уязвимы. Это инстинкт. А вы... — он сделал паузу, и я физически ощутила, как его взгляд скользнул по моему лицу, за-

держался на губах, — Вы мне понравились.

Я прищурилась.

Кажется, я поняла, чего добивается этот дракон. Похоже, мной решили нагло манипулировать. Использовать мифы о драконьей физиологии, чтобы привязать меня к себе, получить поблажки, а там, глядишь, и справку раньше срока.

Я широко улыбнулась, шагнула ближе к нему.

— Ну что же, — сказала я ласково, — снимайте брюки. Посмотрим, что там у вас.

Он моргнул. Всего на секунду растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Так сразу? — не смог не съязвить он, но пальцы уже потянулись к ремню, — Даже не угостите чаем сначала?

— В другой раз, — отрезала я, теряя сладкий тон, — Давайте уже, не тяните.

— Какая вы нетерпеливая.

Он, наконец, закончил свои шуточки и продемонстрировал свою рану. Я наклонилась, рассматривая повреждение профессиональным взглядом. Края воспалены, темные нити проклятия уходят вглубь, к кости. Ткани вокруг отечные, горячие на ощупь. Запустил он себя капитально.

Я осмотрела ногу, что-то не давало покоя. Какая-то странность в структуре раны, в рисунке проклятия. Обычно магические поражения выглядят иначе. А здесь будто... будто что-то сверху наложилось. Надо бы провести дополнитель-

ное исследование.

Я вздохнула, уже составляя план лечения. А сейчас — перевязка.

Взяла со стола мазь — свою собственную разработку, смесь местных трав и адаптированных рецептов из прошлого мира. Быстрыми привычными движениями втерла в рану, услышав сверху шипение. Ну вот, а строит из себя героя.

Я принялась за перевязку. Ловко накладывала бинты, фиксируя повязку, проверяя, чтобы не давило, не сползало, не мешало.

— Завтра это сделает медсестра, — сказала я, закрепляя последний виток бинта, — И не смейте противиться.

— Я уже сказал, что только вы, — его голос стал вкрадчивее, хриплее.

Я выпрямилась. Подошла ближе, принимаясь обрабатывать шрам на лице. Провела тампоном с антисептиком по воспаленному краю, нанесла тонкий слой заживляющей мази.

— И что же, это всегда работает? — усмехнулась я, наблюдая, как он не сводит с меня взгляда. Буквально пожирает глазами.

— Что именно?

— Вот эти ваши обольстительные методы, — я говорила спокойно, продолжая обработку, — Не надейтесь, справку благодаря им вы не получите.

— Просто люблюсь красивой женщиной, — проговорил

он хрипло, и в голосе не было насмешки. Только что-то глубокое, отчего внутри дрогнуло.

Я замерла на секунду. Всего на секунду. Потом взяла себя в руки.

— Ничего у вас не выйдет.

— Это не из-за справки.

— Ну-ну, — я отошла от него и принялась старательно заполнять историю его болезни: состояние раны, примененные препараты, реакция пациента. Рана на ноге действительно оказалась не простая. Что-то в ней было не так. Рисунок проклятия отличался от стандартных боевых поражений. Словно кто-то специально наложил отсроченное заклятье, которое должно было сработать в самый неподходящий момент. В бою, например.

Я нахмурилась.

— Завтра мы возьмем пункцию, — сказала я, не оборачиваясь. Голос звучал ровно, профессионально. — Будьте готовы с утра, — покинула спокойно кабинет этого обольстителя.

После обеда я принялась разбирать кипу бумаг — ежедневные отчеты для муниципалитета, списки закупок, жалобы пациентов, которые нужно было разобрать по существу. Мечтала только об одном: закрыться в кабинете, дописать эти проклятые отчеты и хотя бы полчаса посидеть в тишине с чашкой чая. Но в дверь постучали, снова отвлекая.

— Войдите.

На пороге появилась Лия. Вид у нее был растерянный, даже испуганный. Неужели генерал снова что-то устроил?

— Доктор Грин, там привезли пациентку. Срочную... Лорд Ревард настоял на немедленном осмотре.

— Ревард? — я нахмурилась.

Фамилия была мне знакома. Один из местных аристократов, владелец крупной сети типографий и нескольких доходных домов. Слухи о нем ходили нехорошие: жестокий, вспыльчивый, держит в страхе всю прислугу, а его жена... кажется, третья по счету, умерла при загадочных обстоятельствах год назад. В городе поговаривали, что не обошлось без его рук, но доказательств не было. Ревард был слишком богат и слишком хорошо связан, чтобы кто-то рискнул выступить против него.

— Девушка молодая, лет двадцать... — Лия говорила тихо, будто боялась, что нас подслушивают, — У нее... — она запнулась, подбирая слова, — у нее порезы на лице и руках. В некоторых местах глубокие. Лорд сказал, что она неудачно упала на осколки. Разбила вазу и упала.

Я встала и накинула халат. Внутри уже закипало нехорошее предчувствие.

— Где она?

— В малой смотровой. Лорд Ревард там же. Требуется... — Лия покраснела, — требует, чтобы осмотр провели немедленно и выдали заключение, что девушка здорова и может...

— Что может? — перебила я, хотя уже догадывалась.

– Может выйти замуж, через две недели.

Я ускорила шаг.

В малой смотровой царил полумрак – Лия не успела зажечь все светильники. У стены, на кушетке, сидела девушка. Хрупкая, светловолосая, с огромными голубыми глазами, а на лице действительно были порезы, руки частично перебинтованы, но кое-где сквозь марлю проступала кровь. Она сжималась, стараясь стать как можно меньше, и даже не понимала глаз.

Рядом стоял мужчина. Лет сорока, грузный, с тяжёлой челюстью и маленькими злыми глазками. Лорд Ревард. Я видела его портреты в газетах, но вживую он производил еще более отталкивающее впечатление.

— Наконец-то! — рывкнул он, едва я вошла. Голос низкий, грубый, привыкший повелевать. — Где вас носит?! Девушка ждет! Я тут уже вечность стою!

— Я пришла ровно в тот момент, когда меня позвали, — ответила спокойно, проходя к умывальнику. Включила воду, тщательно вымыла руки, чувствуя спиной его тяжелый взгляд. — Подождите за дверью, я проведу осмотр.

— Я останусь, — отрезал Ревард.

Я обернулась и посмотрела на него в упор. Взгляд мой, как говорили медсестры, умел останавливать даже самых буйных пациентов. За два года в этом мире я научилась не бояться тех, кто пытается давить авторитетом.

– Осмотр предполагает полное обнажение пациентки. Вы

уверены, что хотите присутствовать?

Он дернул щекой, хотел было возразить, но, видимо, вспомнил о приличиях. Хотя по глазам было видно – приличия волновали меньше всего. Просто не хотел создавать лишних слухов.

— Я подожду в коридоре, — процедил он сквозь зубы, — Но если вы задержитесь дольше, чем нужно... у меня дела.

— Дверь закройте, — попросила я.

Он вышел. Я подождала, пока шаги стихнут, и только тогда подошла к девушке. Присела перед ней на корточки, чтобы оказаться на одном уровне. В глаза бросилось, как она вздрогнула от моего движения.

— Меня зовут Вера, — сказала я мягко, — Я врач этой лечебницы. Как тебя зовут?

Она подняла глаза, наполненные слезами. Девушка смотрела на меня с такой отчаянной надеждой, что у меня сжалось сердце. Я видела этот взгляд раньше. У пациентов, которые уже не ждали помощи. У тех, кого предали все, кому они доверяли.

— Милена, — прошептала она. Голос сорвался, едва слышный.

— Милена, — я осторожно взяла ее за руку поверх бинтов, — Я сейчас буду тебя осматривать. Мне нужно понять, что случилось. Ты можешь мне рассказать? Это важно. Чтобы я знала, как лечить.

Она всхлипнула. Оглянулась на дверь — быстро, испуган-

но — и вдруг зашептала сбивчиво, будто боялась, что и стены имеют уши, что каждое ее слово доложат этому чудовищу в коридоре.

— Я не хочу за него замуж, — выдохнула она, и слезы покатались по щекам, — Он старый, злой. У него уже три жены было, и все... все умерли. А отец задолжал ему денег, много, проиграл в карты... и отдал меня в уплату долга. Я пыталась отказаться, плакала, на коленях умоляла... а он... — она задохнулась, сглотнула, — он сказал, что если я не соглашусь, он сожжет наш дом. И отца убьет. Сказал, что ему ничего не стоит, у него связи, его не тронут. А потом... он в порыве злости разбил вазу... и толкнул меня так, что я упала на эти осколки.

Она замолчала, закусив губу.

Я осторожно размотала повязки на ее руках. И замерла.

Глубокие порезы. Очень глубокие. Некоторые еще кровоточили, в ранах виднелись мелкие осколки — видимо, вытаскивали наспех, не все. Края ран воспалены, кое-где началось нагноение.

Но хуже всего были синяки на предплечьях — следы от пальцев. Он держал ее. Сжимал так, что остались отметины.

— Милена, — сказала я тихо, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё кипело, — почему ты сразу не обратилась к врачу?

— Он не позволил, — прошептала она, — Сказал, что если я

кому-то расскажу, он меня запрет в подвале и никто никогда не найдет. Сказал, чтобы я врачам говорила, что упала сама. Что я неуклюжая дура.

Я сжала зубы. Вот же мразь.

Мало того что избил, так еще и запугал до полусмерти.

— Сейчас станет легче, — сказала я, отходя к шкафу с лекарствами. — Я сделаю тебе укол обезболивающего. Потом обработаю раны. Будет немного больно, но ты потерпи, хорошо?

Она кивнула. Доверчиво так, по-детски.

Я набрала обезболивающее, ловко сделала укол. Милена вздрогнула, но даже не пискнула. Привыкла терпеть.

Как только я попала в этот мир, столкнулась с грязной стороной этого мира. Действовать открыто не получится. Ее жених слишком влиятельный. Я не боялась проблем и их угроз. Но конфликты отнимают слишком много сил и я научилась гасить свои вспышки справедливости и действовать аккуратнее и хладнокровнее.

Но отдавать девочку назад этому гаду я не собиралась.

— Милена, — сказала я, присаживаясь рядом, — Ты сейчас побудешь у нас. Раны серьезные, тебе нужно лечение. Минимум неделя. Я составлю заключение, что по состоянию здоровья ты не можешь покидать лечебницу.

Она подняла на меня испуганные глаза.

— А он? Он не согласится. Он сказал, чтобы я сегодня же вернулась.

— Согласится, — я положила руку ей на плечо, стараясь передать уверенность, — Потому что у меня есть право задерживать пациентов с опасными для жизни ранениями. А у тебя, — я кивнула на ее руки, — именно такие. Если не лечить, начнется заражение. А там и до смерти недалеко. Ему же нужна живая невеста, а не труп, верно?

Она всхлипнула, но в глазах мелькнула искорка надежды.

— А потом? — спросила шепотом, — Через неделю? Он все равно заберет меня.

— Не волнуйся, — я сжала ее плечо, — Побудешь у нас некоторое время, и мы обязательно что-нибудь придумаем.

ГЛАВА 7

БЕРА

— Милена останется в лечебнице, — сообщила я Реварду, как только вышла из смотровой. Дверь за собой закрыла плотно, чтобы он не увидел девушку — та сидела на кушетке, вся съежившаяся, и мне не хотелось, чтобы этот человек видел ее слезы. — Лия, приготовь палату, — приказала медсестре, стоящей неподалеку, но опасавшейся подходить ближе. Девушка замерла, не зная, то ли бежать выполнять, то ли стоять на случай, если мне понадобится защита от этого мужчины.

Я махнула ей, чтобы не переживала и спокойно выполняла свои дела. Здесь я разберусь — не впервой.

— Исключено, — рявкнул Ревард, делая шаг ко мне. Его грузное тело заслонило тусклый свет магического светильника в коридоре, и на секунду мне стало неуютно — слишком близко, слишком агрессивно. Но я не отступила. Не имею права. — Она едет со мной. Немедленно. У нас свадьба через две недели, ей нужно готовиться, а не прохлаждаться в вашей богадельне.

— Ваша невеста находится в состоянии, угрожающем её здоровью, — я говорила ровно, четко, глядя ему прямо в глаза, — Глубокие порезы, в ранах остались инородные тела, началось воспаление. Если не провести полноценную обра-

ботку, через несколько дней начнется заражение крови. Она может умереть.

— Вздор не несите, — отрезал Ревард. Скривился, будто я сказала что-то неприличное. — Обычные порезы. И от более серьезных травм люди не умирают.

— Я не отпущу пациентку, пока не буду уверена, что её жизни ничего не угрожает. Это мое право, данное мне лицензией врача и уставом лечебницы, — скрестила руки на груди, чувствуя, как внутри закипает злость.

— Право? — он усмехнулся, и усмешка вышла нехорошая, хищная, — Я тебе покажу право. Ты хоть знаешь, кто я?

— Знаю, — я не отвела взгляда, — Вы лорд Ревард. Владелец типографий. Член городского совета. А сейчас — человек, который мешает мне выполнять мою работу.

Он побагровел. Кулаки сжались, и я на секунду испугалась, что он сейчас кинется на меня — такая злоба плеснула в его маленьких глазках. Но он сдержался.

— Где тут главный врач? — рявкнул он, оглядывая коридор, — Сейчас вы пожалеете, что хамите мне. Я добьюсь вашего увольнения, поняла? Эту лечебницу закрыть могу одним словом!

— Хамите здесь только вы, — я не повысила голоса. Спокойствие было моим единственным оружием сейчас, и я держалась за него изо всех сил. — А главврачу вы можете жаловаться сколько угодно, он будет на моей стороне.

Он открыл рот, чтобы ответить, но вдруг замер. Взгляд его

сместился куда-то за мою спину, и в этом взгляде мелькнуло что-то новое — растерянность пополам с неприязнью.

— Я бы на вашем месте послушался миссис Грин, — раздалось из-за спины. Голос спокойный, даже ленивый, но в нем чувствовалась сталь.

Я обернулась.

В дверях соседней палаты стоял генерал Доркан. В растегнутой рубашке, босиком, с тростью в руке и с таким выражением лица, будто он вышел разогнать батальон противника, а не просто выйти в коридор. Взгляд тяжелый, холодный, в упор смотрит на Реварда. И даже без мундира, с бинтами, выглядит внушительно.

Ревард тоже его узнал. Это было видно по тому, как он побледнел — с побагровения на бледность перешел за секунду. Плечи опустились, кулаки разжались.

— Доркан, — выдохнул он, и в голосе бравада смешалась с нежеланием признавать чье-то превосходство. Надменность никуда не делась, но что-то в нём явно изменилось. Эти двое были знакомы. И не испытывали друг к другу теплых чувств.

— Ревард, — кивнул генерал, не меняя выражения лица. — Давно не виделись. С тех пор, как вы подписали контракт на поставку карт для армии и не выполнили его в срок?

Ревард дернулся.

— Контракт был расторгнут по обоюдному согласию.

— По обоюдному, — усмехнулся Доркан. Глаза его сузи-

лись. — Как скажете. Но я бы всё же послушал доктора Грин. Она знает, что делает. И если она говорит, что пациентка остается в лечебнице — значит, остается.

— Это не твое дело, Доркан, — Ревард попытался вернуть себе власть над ситуацией, но голос предательски дрогнул.

— Еще одна угроза в сторону миссис Грин и будете иметь дело со мной.

Ревард еще раз посмотрел на меня — долгим, тяжелым взглядом, который обещал многое. Но вслух ничего не сказал. Развернулся и зашагал прочь по коридору. Тяжелые шаги стихли вдалеке.

Я выдохнула. Руки слегка дрожали — напряжение отпустило.

— Я бы и сама справилась, — сказала, оборачиваясь к генералу.

— Я не сомневаюсь, — ответил он. Голос его звучал иначе — без стали, почти мягко. — Просто... вышло бы дольше. А так быстрее.

Доркан стоял, опираясь на трость, и смотрел на меня с выражением, которое я не могла прочесть.

— Просто поблагодарите, — сказал он, уголок губ дернулся в улыбке.

— Видите, мистер Доркан, сколько вас таких, — я не удержалась от колкости. — Постоянно угрожающих, — ответила вместо любезности, хотя и была признательна ему.

Он замер. Брови сошлись к переносице, улыбка исчезла.

— Вы меня с ним сравниваете?

Голос его звучал ровно, но в нем чувствовалось напряжение. Я вдруг поняла, что задела его. По-настоящему.

— Я сравниваю манеры. Угрозы, давление, попытки диктовать свои условия... Вы вчера вели себя точно так же.

Он молчал несколько секунд. Потом медленно выдохнул.

— Я был резковат, не спорю. Но я понял очевидное, миссис Грин, нам лучше сотрудничать. Вы несомненно отменный специалист, но и женщина. Вы слишком много работаете. Женщине...

— Не пристало работать, — прищурилась, понимая куда он клонит.

— Да. Женщине не зазорно принимать помощь. И к тому же ее должен обеспечивать муж.

— Такого у меня нет и в ближайшее время не предвидится. А вам мистер Доркан пора бы сменить свои женоненавистные суждения.

Я чуть не рассмеялась ему в лицо. Вот оно, то самое. Драконья логика: женщина должна быть слабой, принимать помощь и ждать, пока какой-нибудь мужчина соизволит её обеспечить.

— И женщины вполне способны сами о себе позаботиться, — добавила.

— Миссис Грин, я не хотел вас обидеть. И ничего такого не сказал. Вы просто все воспринимаете в штыки. Вам и са-

мой не помешает поубавить огонь ненависти к мужчинам.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он продолжил:

— Я не удивлен, что у вас нет мужа, вы слишком агрессивно настроены. Нет ничего плохого в том, чтобы быть обеспеченной женщиной, принимать заботу и защиту мужчины. Женщина физиологически слабее и призвана продолжать наш род. Вы же не станете отрицать?

Я чуть ли не фыркнула. Но сдержалась.

— А красивой женщине, как вы, тем более, — он шагнул ещё ближе, и я почувствовала тепло его тела, — Просто сильной женщине нужен сильный мужчина.

Я вскинула голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и поняла, что он слишком близко. Гораздо ближе, чем следует. И дыхание моё сбилось — то ли от возмущения, то ли от чего-то другого, чему я отказывалась давать имя.

— Вы что, сейчас на себя намекаете?

Слова вышли хриплыми. Не такими колкими, как хотелось бы.

— Приглашаю вас на свидание после вечерней перевязки, — сказал он вкрадчиво, шепотом. Он чуть наклонился, и я почувствовала его дыхание на своей щеке — тёплое, с легкой мятной ноткой, — Выпьем чаю... Я продемонстрирую всю свою обходительность и постараюсь реабилитироваться в ваших глазах. Что скажете?

— Нет.

— Нет? — его брови взлетают вверх, видимо, к таким от-

ветам он не привык.

Равнодушно пожимаю плечами.

— Спасибо за помощь, мистер Доркан, — все же благодарю мужчину, разворачиваюсь и возвращаюсь в палату к Милене.

Мужчина порывается за мной, но на пороге смотровой я разворачиваюсь и протягиваю руку к его груди, останавливая. Ладонь касается ткани рубашки — и в тот же миг между нами словно проскакивает искра. Не фигурально, а буквально: пальцы покалывает, по руке бежит электрическая волна, заставляя меня одернуть руку, будто от горячего.

— Вас сюда нельзя, — закрываю дверь перед его лицом. Вот же прицепился!

Прислоняюсь спиной к двери и наконец выдыхаю. Все-таки его властность делает свое дело. Этот дракон привык получать то, что хочет, и мой отказ, кажется, только раззадорил его. Ну ничего, справлюсь.

Свидание он захотел... Знаю я эти свидания. Не раз ловила своих медсестер, попавшихся на эту ловушку. Мужчина ловко расставляет свои словесные капканы — комплименты, взгляды, обещания, — и вот ты уже разложена на кушетке, не в силах сопротивляться. Не на ту попал. Я «зверь» покрупнее.

Усмехаюсь своим ассоциациям. Дракон дурно на меня влияет.

— Не позволил? — спрашивает обреченно Милена.

— Все в порядке. Ты остаешься здесь на неделю, как я и обещала.

— У вас такое лицо... — тянет она, — Он вам угрожал?

— Нет, дело не в нем, — улыбаюсь девушке, отправляя свои мысли о Доркане в дальний ящик сознания. — Медсестра покажет тебе комнату. Тебе нужно успокоиться. А потом мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо вам большое! — в глазах Милены блестят слезы, но голос звучит уже тверже, чем когда она вошла, — Вы даже не знаете, как я вам благодарна...

— Пока не за что, — мягко прерываю я. — Иди, отдыхай. Я выхожу из смотровой и тут же сталкиваюсь с Дорканом. Вот ведь упрямый!

Он стоит в коридоре, прислонившись к стене напротив и ждет. Надеюсь, не меня... Делаю вид, что не замечаю его, и направляюсь в свой кабинет, попутно вчитываясь в историю болезни. Но надеждам не суждено сбыться, спиной чувствую, что мужчина движется за мной.

— Мистер Доркан, — резко останавливаюсь, и он от неожиданности налетает на меня. Свободная рука обхватывает меня за талию, помогая удержать равновесие.

— Вы вкусно пахните, — ведет этот чешуйчатый носом, вызывая волну мурашек на коже.

— Прекратите меня преследовать, — я вырываюсь, — Вы уже получили ответ, и он не изменится. Не мешайте мне заниматься делами, — отхожу на безопасную дистанцию, туда,

где эти загребущие руки меня не достанут, — Мне и без вас проблем хватает. Нужно помочь бедной девочке, найти способ оградить... — замолкаю, не знаю, зачем я ему это рассказываю. Наверное, чтобы не говорить о личном.

Хмурюсь, недовольная собой.

Я захожу в свой кабинет. Мужчина заходит следом.

— Что-то еще мистер Доркан? — усаживаюсь за свой стол, делая вид, что погружаюсь в работу.

— Зачем вам это? — спрашивает он, устраиваясь в кресле для посетителей.

— Что? Отказывать вам?

— Нет, — он качает головой, — Зачем вам вмешиваться в чужую жизнь? Эта девушка — не ваша родственница, не ваша подруга.

Я откладываю перо. Мы смотрим друг на друга. Я не знаю, что ответить. Неужели ему нужно объяснять очевидные вещи?

— Потому что кто-то должен, — говорю просто.

— Почему вы?

— А почему не я?

Он усмехается, но не зло, а как-то устало.

— Всем не помочь, — говорит он, откидываясь на спинку кресла, — И в личную жизнь лезть не следует. Спасибо никто не скажет. Еще и виноватой назовут.

Он отчасти прав. Трудно не согласиться. Я и сама знаю, как часто благодарность оборачивается злобой, а попытка

помочь — проблемами. Сколько раз я видела, как врачей судили за то, что они пытались спасти тех, кто не хотел спасаться?

— Меня чаще благодарят, — говорю я, чувствую, как щеки чуть краснеют, — Хотя я делаю это не из-за благодарностей.

Я выбрала эту профессию не из-за корысти. Не ради денег, не ради статуса, не ради того, чтобы работать в частных клиниках и лечить тех, у кого кошельки толще. Я всегда знала, кем буду, когда вырасту. Не знаю откуда, но эта непоколебимая уверенность была со мной с детства. Я смотрела на врачей в больницах, на то, как они разговаривают с пациентами, и понимала: это мое. И когда окончила школу, сразу поступила в медицинский.

— Я уже вам сказал, но повторюсь, я уже признал ваш профессионализм. Я это уважаю. И хотя я не поддерживаю весь этот альтруизм... Но могу вам помочь. Точнее, этой девочке. У меня имеются связи, которые могут повлиять на его типографии. Я уверен, что он ведет дела не чисто и там есть что отыскать, если захотеть.

— Вы же сделаете это не просто так?

— Вы знаете, что я хочу. Одно свидание, миссис Грин. Не такая уж большая плата за слезы девочки.

— Вы еще ничего не сделали, а уже просите награду. Это как-то... преждевременно.

— Драконы держат свое слово. Я разберусь с Ревардом, в рамках закона, конечно, — усмехается он, — А вы соглашаетесь на свидание со мной. Одно свидание, Вера. Всего один вечер. Вы в любой момент можете встать и уйти. Я не держу тех, кто хочет уйти.

Я молчу. Смотрю на него, на его наглое, уверенное лицо, и понимаю, что он нашел куда правильно надавить.

— Или вы так боитесь? — добавляет он тихо, — По-вашему же, я не способен на подвиги и не представляю угрозы для вашей чести.

— Я не боюсь, — вырывается у меня быстрее, чем я успеваю подумать.

— Тогда в чем проблема?

Я открываю рот, чтобы ответить, и закрываю. Потому что не знаю, что сказать. Потому что он прав. Потому что если я откажусь сейчас, это будет выглядеть именно так — как страх. А я не хочу, чтобы он думал, что я его боюсь.

— Вам пора, — говорю я наконец, отворачиваясь к окну, — И напоминаю, сегодня вечером вас будет перевязывать Лия.

— Я буду ждать вас. И я сейчас же свяжусь со своим знакомым и решу вашу проблему.

Он поднимается из кресла. Медленно, с достоинством, хотя я вижу, как он переносит вес тела на здоровую ногу, как пальцы сжимают трость. Боль не отпускает его, но он держится. Этот мужчина никогда не покажет слабость, если

можно этого избежать.

– И, миссис Грин... – он останавливается в дверях, оборачивается, – Я все же надеюсь, что вы согласитесь. Не ради справки. Просто потому, что мне интересно провести с вами время.

– Вы неисправимы, – качаю головой, но уголок губ предательски тянется вверх.

Он уходит, а я остаюсь наконец одна.

Некоторое время сижу неподвижно, глядя на закрытую дверь. Потом перевожу взгляд на стопку отчетов, которые так и не дописала, на чашку остывшего чая, на букет измятых роз в вазе на полочке – они все еще пахнут, вопреки всему. Потом смотрю на свою руку, которая коснулась его рубашки.

– Боже, – выдыхаю в пустоту, – я отвыкла от мужского внимания. От такого прямого

Слова повисают в тишине кабинета, и я чувствую, как теплеют щеки. Хорошо, что меня никто не видит.

Дракон. Наглый, самоуверенный, властный... который приставал и который предлагал взятку, угрожал карьерой, а теперь заступился в ссоре с Ревардом и приглашает на свидание.

И я, кажется, начинаю его понимать.

Не одобрять, не прощать, но понимать.

Потому что в его мире, мере погон и приказов, женщины, действительно вешаются на шею. Потому что он привык до-

биваться своего любимым способом – хоть угрозами, хоть деньгами, хоть обещаниями. Потому что он не знает, как по-другому. Или не хотел знать. До сих пор.

Я смотрю на дверь, за которой он скрылся, и думаю о том, что сказала ему в коридоре: “Я бы и сама справилась”. Это правда. Я бы справилась. Нашла бы способ, настояла бы на своем, добилась бы, чтобы Милена осталась. Возможно, дольше. Возможно, с большими потерями нервных клеток... но справилась бы.

Но он появился и стало легче.

Эта мысль неприятно царапает где-то внутри. Не сказал: “Я помог, теперь выпишите мне справку”. Не напомнил о своей власти, не пригрозил, не попытался надавить. Просто помог. И попросил свидание.

Или попросил, или поставил условие? Грань такая тонкая, что я уже и сама не могу определить.

– Черт с ним, – говорю себе, хватаю перо и возвращаюсь к отчетам, – Будь, что будет.

Но перо замирает над бумагой, потому что мысли снова улетают в коридор, к двери палаты Доракана, к его руке на моей талии, к его голосу, который шепчет: “Вы вкусно пахнете”.

Я зажмуриваюсь и делаю глубокий вдох.

– Вера, – говорю я себе вслух, строго, как отчитываю провинившуюся медсестру, – соберись. Ты врач. Он пациент. У тебя есть работа, есть другие больные, есть отчеты, которые

горят. И никаких свиданий, никаких!

Я открываю глаза и с ужасом понимаю, что в этом кабинете все также пахнет розами. А на губах – предательская улыбка, которую я не могу стереть.

– Никаких, – повторяю я уже тише.

Но улыбка... улыбка не исчезает.

ГЛАВА 8

ВЕРА

Час спустя я все же доделала отчеты. Рука затекла, глаза слипались, но чувство выполненного долга грело душу. Я перечитала последнюю страницу, поправила несколько цифр и отложила бумаги в сторону. Завтра Лия отнесет их в магистрат, и до следующего месяца можно будет вздохнуть спокойно.

Я потянулась, разминая затекшую шею, и посмотрела на часы. Уже почти семь. Вечерняя перевязка генерала через час. Лия, конечно, справится, но...

Но.

Я вздохнула, встала и подошла к окну. За окном уже темнело, в саду зажглись фонари, отбрасывая мягкий золотистый свет на дорожки. Лечебница затихала к ночи – пациенты ужинали, медсестры ходили по палатам с последними процедурами.

Милена, наверное, уже спит. Я заглянула к ней перед отчетами – девушка выглядела лучше, чем днем. Успокоительное сделало свое дело, она даже поела немного, прежде чем провалиться в сон. Раны я обработала, осколки вытащила все до единого. Физически с ней всё будет хорошо.

А вот дальше...

Я не успела додумать эту мысль, потому что в дверь по-

стучали.

– Войдите.

На пороге появился Эрест. Мой заместитель выглядел непривычно – мялся, переминался с ноги на ногу, теребил край халата. Вид у него был такой, будто он собрался признаться в чем-то неловком, но никак не мог подобрать слов.

– Миссис Грин, – начал он и запнулся, – Вы... вы еще работаете?

– Как видишь, – я кивнула на стопку отчетов, – Что-то случилось?

– Нет, то есть да... – он окончательно смешался и покраснел, – Я хотел... мне нужно...

Я развернулась к нему, внимательно рассматривая.

– Эрест, говори прямо. Мы не первый год работаем вместе.

Он выдохнул, набрал в грудь воздуха и выпалил:

– Мне нужно отпроситься сегодня пораньше. Очень нужно. Я понимаю, что это не вовремя, и что у нас сейчас пациентов много, и генерал этот капризный, и Милена новая... но очень нужно. Я... я вернусь к утру, честное слово, и отработаю, и двойную смену возьму, и...

– Эрест, – перебила я, – дыши.

Он замолчал, глядя на меня с надеждой и страхом одновременно.

Я смотрела на него и понимала. Взъерошенные волосы, которые он зачесывал трижды, прежде чем войти. Свежая

рубашка под халатом – не та, в которой он ходил днем. Этот румянец, который никак не хотел сходить с щек. Все было слишком очевидным. Его ждала девушка.

– Иди, – сказала я.

Он поднял на меня удивленные глаза.

– Правда?

– Правда.

– Спасибо! Я вас не подведу! – его лицо озарилось такой благодарностью, что мне стало неловко.

– Беги уже, – я махнула рукой, – А то опоздаешь.

Он выскочил за дверь, едва не сбив с ног проходившую мимо Лию. Я покачала головой, улыбаясь.

Молодость. Влюбленность. Свидания.

Когда-то и у меня было такое. Давно. В другой жизни.

Улыбка сползла с лица. Я посмотрела на часы. Почти девять. Вечерняя перевязка у генерала. Лия, наверное, уже закончила, но я все равно хотела проверить. Вдруг отек? Вдруг температура?

Я встала, одернула халат и вышла в коридор.

Прошла мимо палаты Милены – тихо, спит. Заглянула в ординаторскую – Лия разбирает журналы, остальные медсестры уже разошлись по палатам. Все спокойно.

Я направилась к палате генерала.

Остановилась перед дверью. На секунду задержалась, прислушиваясь. Тишина. Только едва слышное шуршание страниц – читает, наверное.

Постучала.

– Войдите.

Я толкнула дверь и вошла.

Генерал сидел на кровати, откинувшись на подушки. Рубашка расстегнута, нога вытянута, перевязка свежая – Лия справилась. В руке книга, которую он отложил при моем появлении.

– Как самочувствие? – обратилась я к нему.

– Все в порядке, – он не сводил с меня глаз, – Вы сегодня допоздна.

– Работы много.

– Отдыхать надо, – сказал он тихо.

Я подняла взгляд и встретила с ним глазами. В его взгляде не было обычной насмешки, только что-то спокойное, теплое. И от этого тепла я смутилась.

– Присаживайтесь, – он кивнул на кресло у кровати, – Устали же.

– Я постою на ногах, – буркнула я, проверяя край повязки, – Движение – жизнь.

– Вера, – он произнес мое имя мягко, но настойчиво, – Присядьте. Хотя бы на минуту.

Я хотела отказаться, но ноги гудели после целого дня на каблуках, а спина ныла от долгого сидения над отчетами. Я села.

В палате повисла тишина. Только светильник тихо гудел, отбрасывая теплый свет на стены.

– Как девочка? – спросил он неожиданно.

– Милена? – я вздохнула, – Спит. Раны обработаны, физически все будет хорошо. А дальше...

– Дальше я разберусь с Ревардом, – сказал он твердо.

Я посмотрела на него.

– Вы уже что-то сделали?

– Отправил письмо своему знакомому в магистрат, – он говорил буднично, как о чем-то само собой разумеющемся,

– Завтра у Реварда начнутся проверки. Негласные, но очень дотошные. Если у него есть что скрывать – а я уверен, что есть – его типографии встанут. И ему будет не до свадеб.

Я смотрела на него, не зная, что сказать.

– Вы... уже отправили? – переспросила я.

– Да.

– Не дождавшись моего согласия?

Он усмехнулся.

– Я же сказал: драконы держат слово. Я обещал помочь – я помогаю.

– А мое согласие на свидание... – я запнулась, сама не зная, зачем это говорю.

– Дело времени, – закончил он за меня.

– Самонадеянно.

– Уверенно, – поправил он.

Мы смотрели друг на друга. В его глазах плясали золотистые искры, но в этот раз они не раздражали.

– Вы невыносимы, – сказала я тихо.

– Это я уже слышал.

– И самоуверенны.

– Тоже слышал.

– И наглы.

– А вот это впервые, – он изобразил удивление, но глаза смеялись.

Я покачала головой, чувствуя, как уголки губ предательски тянутся вверх.

– Хорошо, – выдохнула я.

Он замер.

– Хорошо – что? – переспросил осторожно, будто боялся спугнуть.

– Свидание.

– Что, прямо сейчас? – усмехнувшись произнес он.

– Свидание в больничной палате... весьма интересно, – заметила я.

Я опустила глаза, чувствуя, что краснею как девчонка. Вот же... надо было молчать. Зачем я согласилась? Он же теперь...

– Не вижу ничего...

Но он не успел договорить.

Потому что в коридоре раздался топот. Много ног. Быстрый, тревожный, с металлическим лязгом и приглушенными голосами. А следом – крик Лии, который я слышала только в самых страшных случаях:

– Доктор Грин! Доктор Грин, скорее!

Я метнулась к двери, распахнула ее и выскочила в коридор.

Картина была жуткой.

Санитары тащили носилки. Двое. Нет, трое. На окровавленных простынях лежали люди в военной форме. Первый – бледный, без сознания, рука неестественно вывернута, лицо залито кровью. Второй стонал, прижимая руки к животу, сквозь пальцы сочилась темная кровь. Третий... вообще не двигался, и его лицо было серым, как пепел.

– Что случилось? – крикнула я, на ходу закатывая рукава.

– Нападение на патруль, – запыхавшийся санитар едва успевал отвечать, – Внезапная атака. Их четверо было, одного уже...

Он недоговорил.

– В операционную! – скомандовала я, – Лия, готовь инструменты!

Лия сорвалась с места. Я жестом подозвала остальных медсестер, которые уже высыпали в коридор, перепуганные, но готовые работать.

– Вторую операционную готовить! Расширить! Нам нужно два стола! Срочно!

Я развернулась, чтобы бежать, но чья-то рука схватила меня за локоть.

– Пустите! – дернулась я, оборачиваясь.

Доркан стоял в дверях своей палаты. Без трости, опираясь

рукой о косяк, бледный, но с горящими глазами.

– Чем помочь? – спросил он коротко.

– Отойдите с дороги, – я вырвала руку, – Вы пациент. Лечитесь.

Он посмотрел на меня секунду. Потом кивнул.

– Идите. Я тут... если что.

Я не стала отвечать. Развернулась и побежала в операционную, на ходу прикидывая, как буду справляться одна, без заместителя, с тремя тяжелыми пациентами.

Сердце колотилось где-то в горле, руки уже тряслись от предстоящего напряжения.

Но я делала это тысячи раз. И справлюсь снова.

Потому что я – врач.

Я долго добивалась вида операционной, к которому привыкла. Стерильности, расположения, где каждый инструмент лежит на своем месте, а свет падает под правильным углом, не оставляя теней. В прошлом мире руки знали, где что лежит, тело помнило каждое движение, доведенное до автоматизма за годы ординатуры и бесконечных дежурств. Здесь всё пришлось начинать с нуля.

Сложнее было приучить к этому остальных. Со своим уставом в чужой монастырь не советуют лезть, но с медициной по-другому. В своих методах я была полностью уверена и могла гарантировать результат.

Миссис Энда смотрела на мои странности с недоумением, но терпела — потому что результаты говорили сами за себя.

В лечебнице миссис Энды всё было устроено довольно хорошо для этого мира, но я добавила кое-что своего.

Лия уже включила магические светильники на полную мощность — яркий белый свет заливал каждый угол. Я на ходу затягивала завязки чистого халата, который мне пода-ла одна из медсестер, пальцы привычно скользили по узлам, даже не глядя.

— Первого сюда! — скомандовала я, указывая на ближай-ший стол. Голос прозвучал резко, но это было нужно — в операционной не должно быть места сомнениям. — Лия, ин-струменты! Скальпель, зажимы, магический сканер! Живо!

Санитары занесли носилки с первым раненым — к тому, что прижимал руку к животу. Я склонилась над ним, оце-нивая состояние за секунды. Дыхание поверхностное, пульс нитевидный, зрачки не реагируют на свет. Черепно-мозговая травма, плюс открытый перелом плечевой кости, плюс... я провела рукой по груди, нащупывая неестественное смеще-ние ребер. Внутреннее кровотечение.

— Лия, кровоостанавливающее. Срочно. И приготовь всё для дренирования грудной полости.

Я уже мысленно прокручивала порядок действий. Снача-ла — выпустить кровь из плевральной полости, иначе лёгкое сдавит и пациент задохнётся. Потом — перелом, потом — голова.

— Лия, магический сканер к остальным! — скомандова-ла, пока руки были заняты первым. Пальцы работали быст-

ро, накладывая дренаж, пальпируя края раны, оценивая глубину проникновения проклятия.

С магическим сканером лучше управлялся Эрест. У него был природный дар к тонкой диагностике. Но я сама его отпустила.

Лия нервничала, но держалась. Её руки дрожали, когда она подносила сканер к раненым.

— У одного показывает красный...

Я оторвалась на секунду от первого раненого, бросила быстрый взгляд на третий стол. Тот, кто лежал там, был самым бледным. Серым. На его лице не было ни кровинки, губы слились с кожей, глаза закрыты, а грудь поднималась так редко, что я не сразу заметила дыхание. Магический сканер в руках Лии горел тревожным алым светом.

Красный уровень — очень плохо.

Я подошла ближе, взяла сканер сама, провела над телом. Показания не оставляли сомнений. Тому, что был самым бледным, уже не помочь. Проклятие, а, судя по всему, это оно, ведь видимых повреждений не было, только неестественная бледность и холодная, восковая кожа, взяло своё. Он по видимому был в самом его эпицентре. Принял удар на себя.

Я смотрела на сканер, на ровную красную линию, на то, как проклятие уже добралось до сердца, и чувствовала, как внутри всё сжимается. Максимальный уровень поражения, прогноз неблагоприятный. Здесь, в этом мире, где не бы-

ло реанимации, где не было аппаратов, поддерживающих жизнь, это значило только одно. Безнадежен.

Когда я попала в этот мир, магию в себе обнаружила не сразу. Это было очень неожиданно. Я привыкла к обычному лечению, а тут вдруг выяснилось, что внутри меня есть что-то, что можно направить, чтобы ускорить заживление, чтобы снять боль, чтобы вытянуть проклятие. Миссис Эдна, старая целительница, которая взяла меня под крыло в первые месяцы, пыталась меня учить.

Мне было сложно управлять магией. Наставница говорила, что я слишком взрослая для магии. Дар обычно пробуждается в подростковом возрасте. И мои магические каналы были дефектными.

Поэтому сейчас, глядя на красный свет сканера, я понимала, что магически помочь ему не смогу. Даже если попробую, даже если выложусь до последней капли, моих сил не хватит. Потрачу время и потеряю всех.

Доделала операцию первому и перешла ко второму. Пульс едва прощупывался. Магический сканер показал, что проклятие застряло в области печени. Если не убрать его в ближайшие часы, начнется некроз, и тогда спасти его будет уже невозможно. Я быстро обработала края раны специальным раствором, ввела нейтрализатор, наложила временные швы, чтобы остановить кровотечение. Этого достаточно, чтобы стабилизировать.

До самого утра мы не отходили от них. С проклятьем вто-

рого я провозилась дольше, но справилась.

Спасли двоих. Третий не встретил новый день.

Я стояла над его телом, прикрытым простыней, и смотрела на серое, спокойное лицо. Молодой совсем. Двадцать, может, двадцать два. Такой же, как Эрест.

Лия тихо всхлипнула, стоя у стены. Ей тяжело даются потери. Она еще не привыкла. Может, и никогда не привыкнет. Хорошо, что не привыкает. Когда привыкаешь к смерти, значит, что-то внутри умирает вместе с пациентами.

— Ты молодец, — я подошла к ней, погладила по спине, чувствуя, как дрожат ее плечи, — Мы сделали что могли. Иди отдыхай. Твоя смена закончена.

Она подняла на меня заплаканные глаза.

— А вы? Вы уже двое суток на ногах.

Я кивнула.

— Дождусь Эреста и пойду отдыхать. Он скоро придет.

Я дремала в своем кабинете, сидя в своем кресле, когда в дверь постучали и вошла другая медсестра — Мина.

— Миссис Грин, простите... Тут у мистера Доркана назначена пункция на утро. Вы будете делать или Эрест?

Я моргнула. Пункция. Точно. Я же сама назначила. Я посмотрела на часы на стене. Уже почти семь. Доркан, наверное, уже проснулся.

— Я сама сделаю. Спасибо, Мина, что напомнили.

Мина вышла, а я осталась сидеть в кресле, пытаюсь со-

брать мысли. Голова гудела, глаза слипались, но пункцию откладывать нельзя.

Я поднялась, чувствуя, как затекли ноги. Прошла по кабинету, разминая шею. Надо умыться... и можно идти.

В дверь постучали. Тихо, неуверенно.

– Войдите.

На пороге появился Эрест, в помятой рубашке, с красными глазами и виноватым выражением лица.

– Миссис Грин... – начал он и замолчал.

Я смотрела на него и уже знала, что он скажет.

– Я пришел, как только узнал, – голос его был хриплым.

– Операция уже закончилась, – сказала я как можно спокойнее.

– Я знаю, я видел... Вы... вы спасли двоих.

– Да, одного не спасли.

Он опустил голову.

– Простите меня... я не должен был уходить ...

Я вздохнула, глядя на него. Усталость наваливалась, но я не могла позволить себе развалиться. Не перед ним.

– Эрест, посмотри на меня.

Он поднял голову. Его глаза были полны печали.

– Ты ни в чем не виноват, никто не знал, что так получится, – сказала я твердо.

– Но я мог бы помочь...

– Я прошу тебя, успокойся. Что случилось, то случилось.

Никто ни в чем не виноват, – покачив головой, подошла к

нему ближе, – Обход на тебе.

– Если что-то серьезное...

— Я справлюсь. Отдыхайте.

– Сейчас завершу последнее дело и обязательно пойду и отдохну.

Он кивнул и вышел.

Коридоры лечебницы встречали меня утренней тишиной. Светильники горели приглушенно, только в операционном крыле ещё работали на полную. Мимо прошла уставшая медсестра, кивнула мне на ходу. Из палат доносились приглушённые голоса – пациенты просыпались, начинался новый день.

Я подошла к палате Доркана. Остановилась. Прислушалась.

Тишина. Или спит, или ждёт.

Постучала.

– Войдите.

Я толкнула дверь и вошла.

Генерал сидел на кровати, откинувшись на подушки. Увидев меня, он отложил книгу – ту же самую, что и вчера, кажется, так и не продвинулся в чтении. Взгляд его скользнул по моему лицу, задержался на глазах, на темных кругах под ними, на бледности. И в этом взгляде не было обычной насмешки.

– Вы не спали, – сказал он. Не спросил – констатировал.

– Работала, – я прошла к тумбочке, проверяя, все ли го-

тово для пункции. Инструменты на месте, – Как ваше состояние? Боль не усилилась?

– Миссис Грин.

– Я подняла голову.

Он смотрел на меня серьезно.

– Может, все же нужен отдых?

– Я в порядке, – как можно тверже ответила я, – Снимайте штаны. Пункцию нельзя откладывать.

Он усмехнулся – слабо, но привычная искра вернулась в глаза.

– Вы так и не научитесь меня сначала чаем угощать?

– Не дождетесь, – буркнула я, но в голосе не было злости.

Только усталость.

Он послушно снял штаны, оголив ногу. Я наклонилась, осматривая рану. Края стали светлее, мазь работала, но тёмные нити проклятия никуда не делись. Больше того – они изменили рисунок. Переплелись, стали плотнее, будто... будто что-то активировало их.

Я нахмурилась.

– Что-то не так? – спросил он, заметив мое выражение.

– Не знаю пока, – я взяла тонкую иглу, обработала место прокола антисептиком, – Сейчас будет больно. Потерпите.

Он кивнул, и я ввела иглу.

Он не дернулся, только челюсти сжались. Я быстро набрала образец ткани, вытащила иглу и прижала тампон.

– Готово.

Я поднялась, чтобы отнести пробирку в лабораторию.

– И все же... я настаиваю на том, чтобы мой врач хоть иногда отдыхал. В конце концов, это может сказаться и на моем лечении. Мне бы не хотелось, чтобы вы упали в обморок.

Я не стала ничего отвечать и просто направилась к выходу.

– И да, – его голос, заставил меня обернуться, – Свидание, прошу не забывайте о нем. Поэтому вам точно нужно отдохнуть, а еще лучше – выспаться.

ГЛАВА 9

РИКАРД

— Доркан, я получил твое письмо, но ничего не понял? Зачем тебе сдался старина Ревард?

После обеда ко мне приехал Рунер, хотя я ждал другого посетителя.

Вчерашнее наклюнувшиеся свидание оборвали. Вера все же пришла. Я и не сомневался.

Заниматься любовью с уставшей женщиной, валяющейся с ног, не доставляет никакого удовольствия. Не хотелось бы, чтобы она просто заснула подо мной. У меня на нее иные планы.

— Ты вроде с ним не ссорился, — Рунер плюхнулся на стул, закинул ногу на ногу, разглядывая палату с видом ревизора, — С чего тогда такой интерес? Неужели старый скряга задолжал тебе денег?

— Так сделаешь или нет?

— Для тебя, конечно. Но ты объясни нормально: что от меня требуется? По полной или так, припугнуть?

— По полной.

Рунер присвистнул. Он знал, что значит «по полной» в моем понимании. Проверки, налоги, внезапные визиты инспекторов, заморозка контрактов, слухи, которые расползаются по городу быстрее чумы. Чтобы Реварду стало не до

свадеб. Чтобы он забыл дорогу в эту лечебницу.

— Хорошо, — кивнул Рунер, — Как скажешь.

Он уселся поудобнее, окинул комнату взглядом. Я проследил за ним — светлая палата, высокое окно, свежие простыни, на тумбочке стопка книг.

— Тебе выделили дорогие палаты, я смотрю, — хмыкнул Рунер, — Важный пациент.

— Хотелось бы быть в гарнизоне, а не здесь отлеживаться, — проворчал я, хотя сам уже не был уверен, что хочу уезжать. Две недели. Всего две недели. Но почему-то каждая минута здесь тянулась иначе, чем в казарме.

— Как твоя неприступная крепость? — друг подмигнул.

— Почти сдалась.

— Почти не считается. Может тебе помочь по старой дружбе?

— Даже не думай, — чуть ли не прорычал я, Рунер даже бровь приподнял. Но я не шутил. Эту женщину я делить с ним не собирался. Даже в шутку. Вера Грин только моя.

— Оооо, — протянул друг, и усмешка его стала шире. Он понял. Мы знали друг друга слишком долго.

— Ну смотри. Я всегда готов помочь другу.

— Вот и помогай, как я вчера тебя попросил, — отрезал я, возвращая разговор в деловое русло.

— Так это для нее, что ли?

— Да.

— Хочу на нее посмотреть.

— Шел бы ты... домой, — я с трудом сдержался, чтобы не добавить что-то покрепче, — А лучше в контору. Занимайся делами.

— Я только оттуда, — он развел руками, изображая грусть и усталость, — Мне нужен отдых. Есть тут кто-то приличный, кроме твоей лекарки? Медсестричка какая-нибудь симпатичная? Чтобы время скоротать.

— Я не рассматривал.

— Понимаю, — Рунер хмыкнул, — Тебе сейчас нельзя засматриваться на других. Увидит — и не видать тебе справки.

Дело не только в справке, этой женщине удалось привлечь мое внимание.

— Ну что ж, — Рунер нарушил тишину, — Тогда я, пожалуй, осмотрюсь. Разведаю обстановку. Может, повезет больше, чем тебе.

В дверь постучали. Негромко, вежливо.

— Войдите, — сказал я, хотя сердце на секунду пропустило удар.

Заглянула медсестра. Не Вера. Темноволосая, с пухлыми губами и испуганными глазами. Рунер тут же расплылся в улыбке.

— Простите, — она замялась, глядя на меня, потом на Рунера. — Я помешала?

— Ничуть, — друг мой подался вперед, сверкая глазами. — Как наш пациент? Не обижает вас? — он сделал паузу, окидывая ее взглядом с ног до головы. — У вас все такие

красавицы в этой лечебнице?

Девушка расплылась. Я закатил глаза. Это ему не миссис Грин. Не надо сверлить взглядом, не надо доказывать, что ты достоин. Достаточно одной улыбки, и она твоя.

Но чем неприступнее крепость, тем интереснее штурм. Я люблю сложные стратегические задачи. А Вера Грин — самая сложная из всех, что встречались на моем пути. Оттого и более желанная.

— Никого к себе не подпускает, кроме миссис Грин, — щебетала медсестра, поглядывая на меня с опаской.

— Да? — Рунер изобразил ужас, — Ай-ай-ай... Доркан, ты отнимаешь время у главного врача. Как нехорошо, — он покачал головой, продолжая разыгрывать спектакль, — Если что, угрожайте ему моим именем. Я, знаете ли, имею влияние. И, кстати, Иктер Руннер, — он протянул руку, и девушка, смущаясь, вложила в его ладонь свою. Он запечатлел на ее коже долгий поцелуй, глядя снизу вверх с таким видом, будто она была королевой, а он — верным рыцарем.

— Лия, — представилась она, покраснев до корней волос.

— Лия, — повторил он, смакуя имя, — Прекрасное имя для прекрасной девушки.

— Ну что вы, — она отняла руку, но не ушла, — У миссис Грин золотые руки. Она всегда ведет тяжелые случаи. Мы все у нее учимся. Она столько знает...

— Да-да-да, — Рунер кивнул с самым серьезным видом, — У мистера Доркана тяжелый случай. Очень тяжелый. Я

бы даже сказал, безнадежный.

— Что здесь происходит?

Теперь мне уже захотелось улыбаться от знакомого строгого голоса.

В дверях стояла Вера. Волосы собраны в высокий пучок, халат свежий, лицо спокойное. Круги под глазами не такие явные, как утром. Намного все же отдохнула.

— Лия, — она даже не взглянула на Рунера, — обработай рану мистера Доркана. И смену бинтов сделай.

— А вы? — спросила девушка, явно расстроенная тем, что прервали ее разговор с Рунером.

— У меня срочные дела, — Вера вошла, взяла со столика какую-то бумагу, не глядя на меня, — Пришли люди из Управления по поводу вчерашнего инцидента с патрулем. Нужно дать показания.

— Я могу помочь, — тут же встрепенулся Рунер, поднимаясь, — У меня тоже есть связи в Управлении. Если нужно, я...

— Не нужно, — отрезала Вера. Холодно. Вежливо. Не глядя.

Я чуть не рассмеялся. Рунер, который укладывал в постель женщин с одного взгляда, сейчас стоял с таким лицом, будто его окатили ледяной водой.

Он посмотрел на меня, одобрительно кивая головой.

— Я вас провожу, — сказал он, обращаясь к Лии, — Если вы, конечно, не против.

Девушка покраснела. Рунер встал, махнул мне на прощание и уже в дверях показал похабный мужской жест, означающий, что Вера очень горяча и следует не затягивать с постельными играми.

Мне захотелось врезать ему, чтобы не пялился куда не следует. Но моим вниманием уже завладела она.

Вера наконец подняла глаза на меня. В них было что-то странное. Не раздражение. Не усталость. Я пока не мог определить.

— Я к вам после зайду, — сказала она тихо, — Сообщу анализы по пункции. И... — она запнулась, и я не поверил своим ушам — она смутилась? — И про свидание поговорим.

— Буду ждать, — ответил я, чувствуя, как губы сами растягиваются в улыбку.

Она вышла, не оборачиваясь.

Я остался один.

Смотрел на закрытую дверь и чувствовал, как внутри разгорается что-то горячее, нетерпеливое.

И вот так как всегда. Стоит нам нормально общаться, как что-то мешает.

Отдать ей должное — она профессионал. Зря я сомневался. Но она в первую очередь женщина, как бы не хотела казаться сильной и независимой.

Уважение и подтверждение ее таланта не мешает ее хотеть.

Эти пухлые губы, которые она так часто сжимает в тонкую линию. Эти руки, которые умеют спасать жизни. Эта женщина, которая не сдастся, даже когда падает с ног.

Я был уверен: кроме лекарского таланта у нее раскроется еще один. Скоро.

Эти губы не только отдают распоряжения. Они смогут громко стонать. Выкрикивать мое имя.

Я провел рукой по лицу, усмехаясь собственным мыслям.

— Терпение, Рикард, — сказал я себе, — Терпение.

ГЛАВА 10

ВЕРА

Взяв пункцию у генерала, я направила ее на анализ через магический определитель. Он работал почти как и в нашем мире, определяя состояние в организме, показывая данные, которые необходимы.

Закончив дела, я, наконец, пошла отдыхать.

Вышла к служебной лестнице и зашла в здание для администрации, там располагалась моя комната.

Маленькая, но уютная. Кровать, стол, шкаф, небольшое окно, выходящее во внутренний сад. Миссис Эдна настояла, чтобы я жила в лечебнице – “так спокойнее, моя девочка, здесь твой дом”

Дом... странное слово. В этом мире у меня был дом. Работа, пациенты, медсестры, которые уже привыкли к моим странностям. А в прошлом... в прошлом дома больше не было. Сожженные мосты, предательство, пустота.

Я легла на кровать, не раздеваясь, сил совсем не было, и устала в потолок.

Мысли не отпускали. Доркан со свиданием, Ревард, Милена, вчерашние раненые. Все смешалось в один тяжелый ком, который давил на грудь.

– Справлюсь, – сказала я себе тихо, – Я всегда справлялась.

И закрыла глаза.

Проснулась я от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь.

– Миссис Грин! Миссис Грин, вы там?

Я села на кровати, ничего не понимая. За окном было светло. Сколько я проспала? Часы на стене показывали всего лишь четыре часа вечера. Неужели что-то случилось и потребовалось мое присутствие?

– Да, войдите, – крикнула я, голос осип, – Что случилось?

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Эреста.

– Простите, что разбудил. Там... – он замялся, – Пришлю люди из Управления по поводу нападения на патруль. Со мной отказались общаться, настаивают на разговоре с Главным врачом и врачом, который проводил операцию, — развел он жалобно руками.

— Понятно, — кивнула ему, — Скажи им, что я приду через пятнадцать минут.

Эрест ушел, а я осталась сидеть на кровати, собирая мысли. Проспала так долго, но голова стала яснее, руки не дрожали. Я чувствовала себя почти человеком.

Почти.

Не хотелось думать, что меня ждет неприятный разговор, надеялась, что это стандартная процедура при таких случаях. Обычная бюрократия. Погиб сотрудник государственной службы — им нужно все запротоколировать. У меня своя работа, у них своя.

Я поднялась, умылась, хотя ужасно хотелось принять ванну. Но времени не было, и я лишь переоделась в свежий халат. Волосы собрала в привычный пучок. Посмотрела в зеркало – круги под глазами еще видны, но уже не такие страшные. Ладно, сойдет.

В конце концов, я иду к пациенту, а не на свидание.

Хотя кое-кто ждет именно свидания. Вот же неумейный. Пришла весна и, похоже, у всех заиграли гормоны. Эрест убегает на свидания, Доркан вроде и старше, но тоже не отстает. Вот же напасть! Я выдохнула и вышла из комнаты.

Но проходя мимо палаты генерала убедилась, что все вокруг поддались чарам весны.

Из комнаты слышался воркующий мужской голос и легкий девичий смех. Я замерла. И признаться на несколько секунд, подумала, что это Рикард заигрывает с какой-то медсестрой, что ему надоела моя неприступность и он устал ждать мое согласие. Подумала, что мужчина нашел кого-то сговорчивее. Мне бы почувствовать облегчение, но вместо этого я ощутила вновь знакомое чувство жжения в груди — предательство. То самое, которое я загнала в дальний уголок души, когда меня предал жених.

Толкнула дверь, приготовившись увидеть очередную сцену, но...

В палате был другой мужчина, он и разговаривал с Лией. Я постаралась сделать серьезное лицо, чтобы никоим образом не выдать свое состояние, свои истинные эмоции.

— Лия, сделаешь перевязку мистеру Доркану.

— А вы?

— У меня срочные дела, — ответила сотруднице, — Пришли люди из Управления по поводу вчерашнего инцидента с патрулем. Нужно дать показания.

— Я могу помочь, — обратился ко мне посетитель Доркана, расплываясь в улыбке, — У меня тоже есть связи в Управлении. Если нужно, я...

— Не нужно, — отрезала вежливо, не глядя на него.

Похоже, у всех и правда весна. Лия закусила губу и смотрела восторженно на мужчину, как на принца. Как по мне обычной внешности. Сколько их раздаривают улыбки направо и налево. Или это я уже я отвыкла и одичала от простых женских радостей.

У меня столько дел... Хотя я понимаю, что дело не только в заботах, а в страхе.

— Как знаете, — мужчина увязался за медсестрой, оставляя нас с генералом наедине. Я подняла на него взгляд, а он буквально пожирал меня глазами. Да что же такое!

— Я к вам после зайду, — сказала тихо, — Сообщи анализы по пункции. И... — она запнулась под его взглядом, — И про свидание поговорим, — переборола свое смущение, я же взрослая женщина.

— Буду ждать, — ответил он, тоже улыбаясь. И я не удержала свою легкую улыбку в ответ.

Но через пять минут стало не до улыбок и не до мыслей

о свидании.

В кабинете меня ждали двое.

Один — мужчина лет сорока, с тяжелой челюстью и холодными серыми глазами, которые ощупывали меня с головы до ног, будто я была не главным врачом лечебницы, а подозреваемой. Второй — моложе, со старательным выражением лица, с блокнотом в руках, уже открытым на чистой странице, приготовившись уже записывать каждое мое слово.

— Миссис Грин? — старший поднялся, протягивая руку для приветствия, — Инспектор Торн. Это мой помощник, инспектор Вейл. Благодарим, что нашли время.

— Конечно, — ответила я, проходя к своему креслу и жестом приглашая их сесть обратно. — Что вы хотите знать?

— Вчерашнее нападение на патруль, — начал Торн, — Нам нужно прояснить некоторые детали. Вы проводили операцию одному из пострадавших?

— Да. Ранения у всех были серьезными. Вот, — я протянула вчерашние протоколы операции, — Здесь все запротоколировано, в том числе о магическом проклятии. Остальное вы можете узнать у пришедшего в себя патрульного. Он уже в сознании и может давать показания.

— Мы уже, — Но нам нужны ваши показания.

— Здесь все, — протянула ему листы.

Он взял, но не торопился в них смотреть.

— Нам нужно знать, почему вы приняли решение первым

оперировать патрульного Говарда, а не Картера? Ведь состояние Картера было тяжелее и он нуждался в скорой помощи? К тому же, — он сделал паузу, — он был из семьи, имеющей вес в городе. Его отец — владелец торгового дома, спонсирующий лечебницу, если я не ошибаюсь.

Я медленно выдохнула. Вот оно. Не просто формальный опрос. Не протокол. А проверка. И, возможно, чьё-то недовольство.

— Состояние Картера действительно было тяжелее. Вероятность его стабилизация была слишком низкая. И именно поэтому я приняла такое решение. Спасти двоих, или никого.

Он не отводил своего тяжело взгляда, но я не отводила свой в ответ. Правда была на моей стороне. Да, это моя ответственность.

— Если бы пришлось выбирать, то я бы поступила точно так еще раз.

Инспекторы ушли, но оставили неприятный осадок.

Я понимала желание семьи знать подробности. Они — непростая семья, у них есть связи, деньги, возможности. Они попросили через знакомых в Управлении всё узнать, докопаться до сути. Может быть, им казалось, что где-то скрыта ошибка. Или вина, которую можно на кого-то возложить.

Каждая семья в горе реагирует по-разному. Я видела это много раз. Кто-то плачет, кто-то кричит, кто-то замыкается в себе и молчит годами. А кто-то ищет виноватых.

Я помнила мистера Картера. Инвесторов нужно запоминать, но он не запомнился мне ничем особенным. Выдержанный и серьезный. Смотрел на меня спокойно, без эмоций, задавал вопросы о финансах, о лечении, о сроках.

Но кроме мужчины была еще и мать. И я не знала, кого именно она считает виновным — того мага, что напал на патруль, или меня, врача, которая не смогла помочь ее сыну.

Так что трудно предсказать их действия. Успокоятся они или будут искать виновных? Найдут в себе силы принять боль и жить дальше или потратят годы на бесполезную борьбу с тенью? Я видела и тех, и других. И те, и другие были правы по-своему. И никому из них не становилось легче.

Я ни раз сталкивалась с местью родственников, считающих, что я виновата или кто-то из врачей в смерти их близкого. Это тяжело. Все мы проходим через потери по-разному. Кто-то находит утешение в работе, кто-то в вере, кто-то в мести. Я не имею права судить. Но я имею право защищать себя и свою лечебницу.

Я стараюсь не доводить до конфликтов. Лечебнице это ни к чему. Жалобы, суды, проверки — всё это отнимает время и силы, которые я могла бы потратить на пациентов. Потеря времени, потеря репутации заведения, которая строится годами и рушится за один день. Ну и, конечно, энергия. Эта пустая борьба отнимает много сил.

И сейчас из-за усталости мне казалось, что я была резка. Может, и зря. Они просто делали свою работу. Но когда за-

дают одни и те же вопросы по десятому кругу, когда чувствуешь в их тоне скрытое обвинение, то трудно сохранять спокойствие.

Просто если бы пришли сами родственники, я бы, наверное, смогла поговорить с ними иначе. Объяснила бы. Утешила. Но тут из самого Управления... Неприятно. Вроде и при-выкаешь к проверкам, ко всем этим бумажкам и допросам, но все же личный фактор всегда остается. Ты не машина.

И каждый раз, когда кто-то ставит под сомнение твои решения, внутри что-то замирает. А вдруг они правы? А вдруг я действительно ошиблась? А вдруг могла сделать больше?

Я тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. Не время для сомнений. Не время для жалости к себе. Я постаралась переключиться, взяла себя в руки, сделала несколько глубоких вдохов — как учили на курсах по стрессоустойчивости в прошлой жизни. Как раз пора было узнать результаты анализа по пункции генерала. Я посмотрела на часы — времени прошло достаточно. Магический определитель должен был уже выдать данные.

Стоило мне о них подумать, как в кабинет заглянул Эрест. Вид у него был озабоченный.

— Можно? — спросил он, уже заходя с бумагами в руках. — Я тут результаты принес. И... Тут что-то странное... — он протянул мне листы, и я взяла их, чувствуя, как внутри растет нехорошее предчувствие.

— Проклятие с отсроченным действием? — выдала я свое

предположение, которое крутилось в голове с первой нашей встречи с Дорканом. С того момента, как увидела черные нити, которые вели себя не так, как обычные боевые проклятия. Они не просто жгли ткани — они ждали. Словно затаились.

— Нет, — Эрест покачал головой, — Не отсроченное.

Тогда что? Что так удивило Эреста? Он самый отличный специалист в области магической диагностики из всех, кого я знаю. Если он не понимает, значит, дело серьезное. Я развернула листы, всматриваясь в показатели. Цифры прыгали перед глазами, но я заставила себя сосредоточиться.

— Так... — я провела пальцем по строчкам, пытаюсь уловить логику, — Подожди. Как это понимать?

— Я сам не понял, — Эрест подошел ближе, показывая на график, — Смотрите. Здесь — магический фон в пределах нормы. Почти. Здесь — показатели проклятия. Они... колеблются.

— Ошибка маг определителя?

— Нет, — Эрест покачал головой, — Остальные анализы в порядке. Определитель работает правильно.

Я поджала губы. Как такое возможно? Результат двойственен — проклятия нет и одновременно есть.

— Думаю, стоит пересдать материал, — предложил помощник, и я кивнула.

— Так и сделаем. Спасибо, Эрест.

Заместитель вышел и я осталась одна. Смотрела на гра-

фики, на странные линии, которые то поднимались вверх, то падали вниз.

— Что же с тобой не так, Рикард Доркан? — прошептала я.

Я обещала заглянуть к нему и сообщить результаты. Что ж... не буду откладывать. Закончим на сегодня с неприятными разговорами.

Остановилась перед дверью палаты Доркана.

Коридор был пуст, и только тусклый свет магических светильников разгонял сумерки, да где-то вдалеке слышались приглушенные голоса медсестер.

Из-за двери не доносилось ни звука. Тишина.

Я постучала.

— Войдите.

Голос спокойный, даже ленивый.

Я толкнула дверь и вошла.

Генерал сидел на кровати, откинувшись на подушки. На тумбочке горел светильник.

— Доктор Грин, — при моем появлении он поднял голову, и улыбка тронула уголки его губ. Не насмешливая, а какая-то... теплая... — А думал, вы про меня забыли.

— Нет, не забыла, — ответила, прикрывая за собой дверь.

— Вы сейчас такая серьезная. Не я же тому виной? Или проблемы с Управлением.

— Надеюсь, что нет, — я не знала, что еще сказать. Прав-

да была слишком сложной, чтобы выкладывать ее сразу.

— Поделитесь, что случилось? — он кивнул на стул у кровати, приглашая сесть.

Я не села, осталась стоять.

— Вчерашний патрульный, которого мы не спасли... оказался сыном одного из спонсоров лечебницы. Мистера Картера...

— Понятно, — Рикард сразу уловил суть. Лицо его стало жестче, в глазах мелькнуло что-то холодное. — И что ты им сказала?

— Правду. Что мы сделали всё возможное. Но это пустяки. У меня для вас неприятные новости. Пришли ваши анализы.

— И? — он поднял бровь. В голосе ни тени волнения. Будто он совсем не боялся и был уверен, что полностью здоров. Опять эта его самоуверенность! Непробиваемый драконщик! — Что там? Смертельно? — улыбка стала шире.

— Я думаю, нужно пересдать еще раз пункцию... Определитель показал, что проклятья нет... и будто оно есть...

— Вы со мной играете, Вера? — Доркан встал и навис надо мной.

— Что? — я растерялась от его близости. Глаза его потемнели, зрачки расширились, в них закружилась золотистая дымка. Они затягивали в глубину, как омут, и я не могла отвести взгляд. Я открыла губы, чтобы возразить...

Но он прошептал мне прямо в губы:

— Мы теряем время. Будь я болен, то не был в состоянии на...

— На что? — ответила полушепотом.

— Вы слишком долго от меня убегаете, Вера...

И этот наглец преодолел оставшееся расстояние. Всего несколько сантиметров, которые нас разделяли. И накрыл мои губы своими.

Его прикосновение обожгло. Он целовал так, как воевал — напористо, уверенно, не оставляя шансов на отступление. Язык скользнул внутрь, лаская, дразня, сбивая своим напором мое сопротивление. Похоже, этот мужчина весь соткан из противоречий. То нежный, то грубый. То клянется, что драконы держат слово, то набрасывается на меня в палате, не дождавшись свидания.

Как и его проклятие — то есть, то нет.

Кто еще со мной играет...

ГЛАВА 11

ВЕРА

Он оторвался от моих губ, но не отстранился. Лбом прижался к моему лбу, тяжело дыша. Я чувствовала его дыхание на своем лице, его жар, его напряжение.

— Вера, — выдохнул он, и голос его был хриплым, чужим, — Я больше не могу ждать.

— Рикард... — я не знала, что сказать. Голос сорвался, и я замолчала...

— Не надо мне рассказывать про анализы. Нет у меня никакого проклятия. Я бы чувствовал. Единственное мое проклятье - это вы... Проникли в мои мысли и не отпускаете, его руки сжались на талии, а затем и вовсе нагло чуть сползли вниз...

Его руки сжались на моей талии, а затем и вовсе нагло чуть сползли вниз, пальцы вцепились в ткань халата, притягивая меня ближе. Я почувствовала, как его ладони скользят по бедрам, горячие, уверенные, и внутри все оборвалось.

— Рикард, — повторила я, но голос прозвучал слабо, неуверенно.

— Ты же хочешь, — прошептал он, и его губы снова нашли мои, продолжая свой напор — требовательно, жадно, не оставляя места сомнениям. И я ответила — не смогла удержаться, не захотела останавливаться. Руки сами вцепились в

его рубашку, притягивая ближе.

Он зарычал – тихо, и от этого звука по спине пробежали мурашки. Пальцы его скользнули под халат, коснулись голой кожи на талии, и я выгнулась, чувствуя, как разум затуманивается.

– Вера, – его голос был низким, – Я хочу тебя. Прямо сейчас. Не хочу больше ждать ни дня.

Он потянул халат вверх, и я...

Я отшатнулась.

Резко, будто меня ударило током. Отскочила на шаг, едва не споткнувшись о стул. Дыхание сбилось, щеки горели, губы припухли от поцелуев, но в голове уже включилась тревога – громкая, неумолимая.

– Нет... — с трудом выдержала его взгляд, заставив себя не отворачиваться.

Он замер. Руки его застыли в воздухе, глаза потемнели, зрачки все еще были расширены.

– Что? – переспросил он, будто не расслышал.

– Я сказала – нет, – повторила, отступая еще на шаг. Руки дрожали, и я спрятала их за спину, чтобы он не видел, – Это... это неправильно. Вы мой пациент.

– Пациент? – его голос стал холодным. Холоднее, чем я ожидала, – Только что ты целовала меня так, будто...

– Не важно, как я целовала, – перебила я, чувствуя, как внутри поднимается злость. На него. На себя. На то, как легко он меня сломал, – Я соглашалась на свидание... А не...

не на это.

— Это и есть свидание, — он шагнул ко мне, и я попятилась, упершись спиной в стену. — Мы одни. Мы целуемся. Мы взрослые люди. Чего еще ждать?

— Уважения, например, — выпалила я, — Я согласилась на свидание. Я не соглашалась, чтобы ты лез ко мне под халат в больничной палате, когда у тебя открытая рана на ноге и непонятное проклятие в организме.

Я попыталась вернуться в рабочее русло, но по его выражению лица поняла, что сделала только хуже.

На его лице на секунду мелькнула растерянность? Он прищурился. Словно я говорила полную чушь. Возможно, для него это так и было. А потом оно закрылось маской. Он усмехнулся.

— Ты просто струсила.

Я хотела возразить, но замолчала от следующих слов:

— Ты дразнила меня. Все это время. Согласилась на свидание. Пришла. Позволила себя целовать. А теперь... — он усмехнулся, и усмешка вышла горькой, — теперь отступаешь.

— Я не дразнила, — сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. — Я говорила серьезно. Свидание — это чай, разговоры, прогулка. Не... не набрасывание друг на друга при первой возможности.

— Я тебе нравлюсь, ты мне тоже. Ты это знаешь. Я не скрывал.

— И я не скрывала, что не готова, — ответила я, стараясь,

чтобы голос звучал ровно, — Я не хочу быть очередной... очередной женщиной, которая пала к ногам генерала. Я не буду частью твоей коллекции.

— Коллекции? — его голос стал опасным, низким, — Ты думаешь, я коллекционирую женщин?

— А разве нет? — я вскинула подбородок, — Твой друг сегодня охмурял Лию с одного взгляда. Вы, драконы, привыкли, что все само падает к вашим ногам. Я не из таких.

Он смотрел на меня долго. Очень долго. В глазах его плескалось что-то — гнев, разочарование, желание. Но он молчал.

Потом шагнул назад. Отошел к кровати, сел, откинулся на подушки. Лицо его было непроницаемым.

— Хорошо, — сказал он глухо, — Как скажешь.

— Рикард...

— Иди, Вера, — он отвернулся к окну, — Иди. Пока я не сказал чего-то, о чем пожалею.

Я хотела остаться. Хотела объяснить, что не хотела его обидеть, что и правда просто испугалась, что слишком быстро, что я не привыкла к такому напору. Но гордость не позволила.

— Спокойной ночи, мистер Доркан, — сказала я и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

В коридоре я прислонилась к стене и закрыла глаза.

Сердце выскакивало из груди, губы все еще горели, а тело помнило его руки на своей талии. Его запах. Его голос. То, как он сказал: «Я хочу тебя».

– Дура, – прошептала я себе, – Какая же ты дура.

Но в груди засела не только обида на себя. Была и злость. На него. На его самоуверенность. На то, что он решил, будто может получить все и сразу, стоит только щелкнуть пальцами.

Я начала думать, что он не такой, каким показался в нашу первую встречу. Он стал помогать, казалось, искренне... Или же я совсем не разбираюсь в людях...

Я оттолкнулась от стены и пошла по коридору. Ноги несли меня автоматически — мимо палат, мимо поста медсестер, по лестнице вниз. В голове крутились обрывки мыслей, и никак не удавалось собрать их в одну.

Его поцелуй. Его руки. Его глаза, когда он сказал: «Ты дразнила меня».

Я не дразнила. Я правда хотела попробовать. Но не так. Не в палате, где в любую минуту могли войти. Не когда он ранен. Не когда я сама не понимала, что чувствую.

А что я чувствую?

Я остановилась посреди коридора и закрыла лицо руками. Черт. Черт, черт, черт.

Он прав. Я дразнила. Сама того не осознавая. Согласилась на свидание. Пришла к нему в палату вечером. Позволила себя целовать. А потом отшатнулась, когда он захотел большего.

Что он должен был подумать?

Что я играю с ним. Что мне нужна только его помощь с Ревардом. Что я использую его, а потом отброшу.

– Нет, – прошептала я, – Не так.

Но как тогда? Как объяснить человеку, который привык брать свое, что тебе нужно время? Что ты боишься не его, а себя? Что каждое его прикосновение отзывается внутри такой болью, что хочется плакать?

Я вспомнила Костю. Вспомнила, как он смотрел на меня тогда, в ординаторской, с этой дурацкой виноватой улыбкой. «Это ничего не значит, Вер. Просто шаг по карьерной лестнице».

А этот? Этот тоже посмотрит на меня потом и скажет: «Это ничего не значило»?

Я тряхнула головой, отгоняя мысли. Не время. Не место.

Я пошла дальше, чувствуя, как внутри все кипит – обида, злость, страх, и ... желание. Все смешалось в один горький комок, который застрял в груди и не давал дышать.

Я свернула в коридор административного крыла. Здесь было тихо, пациенты не ходили, только сотрудники, но сейчас уже почти никого не было.

Мне нужно было в кабинет. Сесть. Выдохнуть. Привести мысли в порядок.

Я толкнула дверь и...

Замерла на пороге.

В моем кресле, развалившись так, будто он был здесь хозяином, сидел мужчина. Лет двадцати пяти, с холеным ли-

цом, светлыми волосами, зачесанными назад, и наглой улыбкой, которая не сходила с его губ.

Я узнала его сразу, хотя видела всего пару раз. И каждый раз эти встречи заканчивались плохо.

— Добрый вечер, Вера, — сказал он, не поднимаясь. Голос сладкий, но в глазах холод, — Не ждала?

— Джерард, — я медленно закрыла за собой дверь, чувствуя, как внутри нарастает раздражение. Сын миссис Эдны. Единственный сын, которого она боготворила. Который спустил все ее сбережения на карты и женщин. Который ненавидел меня с того самого дня, как мать переписала лечебницу на мое имя. — Что ты здесь делаешь?

— Соскучился, — он встал, неторопливо прошелся по кабинету, рассматривая мои дипломы на стенах, — Скучаю по мамину дому. Решил навестить.

— Это не мамин дом, — сказала я холодно, — Это лечебница. И сейчас здесь приемные часы закончились. Так что изложи, зачем пришел, и уходи.

— Но она проводила здесь большую часть своей жизни, как и я все свое детство... — он развел руками, изображая искренность. Его светлые глаза смотрели на меня с притворной грустью.

Я бы прониклась сентиментальностью, но это был Джерард и от него не следовало ее ожидать. Что этому человеку нельзя верить, я убедилась. Его мать столько слез пролила из-за него, всегда говорила, что он пошел в отца и ей не уда-

лось его как должно воспитать. “Я слишком много работала...” — корила она себя, — “А теперь пожинаю плоды...”

Мне было очень жаль женщину. Но Джерарду, кажется, было все равно. Он приезжал, требовал денег, скандалил, уезжал — и снова появлялся, когда кошелек пустел.

Джерард обернулся. Улыбка его стала шире, и от этой улыбки мне захотелось вызвать охрану. Вспомнилась наша последняя встреча. Тогда он наговорил гадостей, обвинил меня в том, что я «охмурила» его мать, приворожила, укра- ла наследство, и обещал вернуться... Вернулся. Его долго не было, и я надеялась, что он остыл и принял последнюю волю своей матушки. Но я ошиблась.

– Ах, Вера, Вера, — он покачал головой, — Какая ты все- таки... недружелюбная. А я ведь пришел с хорошими ново- стями.

– Какими?

Он подошел ко мне почти вплотную. Я чувствовала запах его одеколона — дешевого, резкого, и внутри все сжалось от отвращения.

– Я нашел инвестора, — сказал он тихо, — Человека, кото- рый готов выкупить лечебницу. У матери, знаешь ли, были долги. Очень большие долги. И она, увы, не успела их опла- тить перед смертью. А я, как наследник...

– У нее не было долгов, — перебила я, — Я проверяла.

– Ах, ты проверяла? — он ухмыльнулся, — Ах, какая ты мо- лодец. Но, видимо, проверила не все. Есть кое-какие бумаж-

ки... расписки... Ты же знаешь маму, она доверяла людям. А люди, знаешь ли, бывают разные.

Да, люди действительно бывают разные... И хорошо бы понять говорит он всерьез или это его коварный план, чтобы запугать меня и добиться своего. В прошлый раз он угрожал судом, но так и не подал иск. Может, и сейчас пустые слова? А может, он нашел тех, кто ему поможет? Тех, кому выгодно забрать лечебницу?

Он смотрел на меня с такой уверенностью, что у меня внутри похолодело. Взгляд его был спокойным, даже равнодушным, как у человека, который знает, что козыри у него на руках. И от этого спокойствия становилось еще больше не по себе. Потому что, если он блефует, он бы нервничал. Ему удалось посеять зерно сомнения.

– Ты врешь, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

– Увидишь, – он развернулся и направился к двери. На пороге остановился, обернулся. – Я дам тебе немного времени, Вера. Либо ты находишь деньги, чтобы покрыть долги, либо лечебница переходит к новому владельцу. А тебе, я думаю, придется искать другое место работы.

— Ты не можешь этим распоряжаться! — я шагнула к нему, чувствуя, как кулаки сжимаются сами собой. — Наследник или нет, но эта лечебница перешла мне, официально! Есть завещание, есть подписи, есть свидетели!

– Думаешь, я не найду варианта избавиться от тебя? Вся-

кое может случиться. Уверен, ты не без греха, какой хочешь показаться.

Он улыбнулся своей наглой улыбкой и вышел.

Дверь закрылась.

А я осталась стоять посреди кабинета, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Долги. Расписки.

Я села в кресло, которое минуту назад занимал этот мерзавец, и закрыла глаза.

В голове было пусто. Только где-то на периферии билась одна мысль:

– Что же теперь будет...

В последнее время слишком многое навалилось. Погибший патрульный, инспекторы из Управления, Ревард, который угрожает, генерал, который... который целует меня, а потом обижается, что я не готова. И вот теперь Джерард. Как же не вовремя. Голова шла кругом, мысли путались, и я никак не могла сосредоточиться на чем-то одном.

От мужчин одни проблемы. Я же уяснила это правило еще в прошлом мире. Тогда почему опять... Почему я снова позволила кому-то подобраться так близко?

Миссис Эдна стала для меня в этом мире как мать. Она дала мне кров, научила местной медицине, защищала от тех, кто считал, что женщине не место в лечебнице. Она поверила в меня. И за это я была ей благодарна каждый день.

Но ее сын... Ее сын не торопился становиться мне братом.

Он не разделял добрых чувств матери и считал их блажью, старческим маразмом. А еще ревновал и вымещал злость, требуя наследство. Ему казалось, что я отняла у него то, что принадлежит ему по праву. И никакие доводы не действовали.

Она отдала мне лечебницу, так как понимала, что в его руках ее детище погибнет, перейдет в руки непонятно кому. Она посвятила ей свою жизнь.

Не так должен вести себя любящий сын. Не трепать матери нервы своими долгами и пьяными скандалами. А помогать и обеспечивать. Не тратить последние средства на кутежи и женщин. Быть рядом, когда она болеет, а не пропадать неизвестно где. Я видела, как миссис Эдна умирала. Как она звала сына, как смотрела на дверь, надеясь, что он войдет. Он не пришел.

Два года назад я не просто попала в другой мир. Я, как говорится, попала! И чудом спаслась! Если бы не миссис Эдна, все могло закончиться очень плохо. Я была напугана, растеряна, не понимала, где нахожусь и что делать. Она дала мне не только крышу над головой, но и смысл.

Я встала, подошла к окну. За стеклом уже стемнело, в саду горели фонари. Где-то там, в палате на втором этаже, сидел генерал и, наверное, злился на меня. Думал, что я его отвергла. Что играю с ним.

А я просто боялась.

Боялась, что если позволю себе слишком много, то потеряю всё. Как в прошлый раз. Как в той жизни, где я доверилась и была предана.

— Но он не Костя, — прошептала я, глядя на свое отражение в стекле. — Правда?

Отражение не ответило.

Я вздохнула, отвернулась от окна и посмотрела на дверь, за которой скрылся Джерард.

— Сначала разберемся с долгами, — сказала я себе, — А потом... потом посмотрим.

И я села за стол, открыла ящик с финансовыми бумагами и начала перебирать их, ища ту самую расписку, о которой говорил Джерард. Или хотя бы следы того, что миссис Эдна действительно кому-то должна.

Надежды было мало. Но я должна была попробовать.

ГЛАВА 12

ВЕРА

Расписку я не нашла. Потратила полночи на разбор документов: перерыла все ящики стола, пересмотрела каждую бумажку в сейфе, проверила папки с финансовыми отчетами за последние три года. Ничего. Ни расписок, ни долговых обязательств, ни даже намека на то, что миссис Эдна кому-то задолжала.

Как я и думала. Джерард либо блефовал, либо придумал всё на ходу, чтобы запугать меня. Но сон все равно не шел, так что даже хорошо, что было чем заняться.

Ночь выдалась спокойная. Никаких экстренных ситуаций. Патрульные шли на поправку — оба уже пришли в себя, пили бульон, возмущались, что им нельзя вставать. Милена чувствовала себя замечательно и в спокойной обстановке отсыпалась. Она, конечно, еще испуганно вскидывала взгляд, когда дверь в палату открывалась. Все еще волнуясь, что Ревард вернется за ней.

К Доркану я ночью не заходила. Еще опять скажет, что я его провоцирую. Или хуже — подумает, что я передумала и пришла мириться. А я не передумала. Я просто... не знала, что делать. Остановилась около его двери, постояла несколько секунд, прислушиваясь к тишине за ней и вернулась к себе.

А утром умылась холодной водой, привела себя в порядок, собрала всех в кабинете для планерки. Работаем дальше! Лия пришла с красными глазами — видимо, не спала. Эрест выглядел довольным и бодрым. Мы обсудили все текущие вопросы. Эрест задавал уточняющие вопросы. Всё как обычно. Только в голове у меня крутились вчерашние анализы.

Оставалось одно незаконченное важное дело. Пункция.

Нужно перестать трусить и взять её еще раз. Чтобы между нами не произошло, лечение никто не отменял. В моих, как и в его интересах, поскорее покинуть лечебницу. Он ждет не дождется справку. Но дать ему её просто так, без полной уверенности, что проклятие отсутствует, я не могу. Не имею права. Чтобы он не говорил, что чувствует себя здоровым, нужны официальные подтверждения.

Может, это действительно ошибка магопредделителя, но каким я буду врачом, если все не перепроверю. Доркан будет в ярости, если это так. Уверена, выскажет, что мы потратили его время.

— Мне взять пункцию? — спросил Эрест, наблюдая за мной.

— Я сама.

Мне не семнадцать лет, чтобы бегать от мужчины. Я взрослая женщина, главный врач лечебницы, за плечами годы учёбы, ординатуры, операций, десятки спасенных жизней. Я не должна бояться войти в палату к пациенту, даже

если этот пациент вчера целовал меня так, что у меня подкашивались колени, как у влюбленной дурочки.

Нужно с ним спокойно обсудить его здоровье и не переходить на личные темы. Сокращение дистанции было ошибкой. Не знаю, не отменит ли он свое обещание, ведь по сути свидание не состоялось. Как я поняла по его напору поцелуев мужчине было недостаточно.

Внизу живота тут же потяжелело, стоило мне вспомнить его руки на своих бедрах. Жар разлился по телу, и я замерла, испуганная собственными ощущениями. Господи, о чем я думаю? Я и отвыкла... Два года. Два года без мужских рук, без поцелуев... без большего.

Я привыкла быть одна. Привыкла, что моя жизнь — это работа, пациенты, отчеты, лечебница. Надо же, ему как-то удалось встревожить меня. Что в нем такого?

Почему именно он? Красив? Но красивых мужчин я видела и раньше. Властен? Но властных я терпеть не могу. Нагл? Но наглецов я отправляла куда подальше не раз. Так что же? Непонятно!

Генерал расхаживал по палате, когда я, предварительно постучав, вошла к нему.

— Доброе утро, — поздоровалась с мужчиной, проходя и ставя лоток с инструментами на стол. — Нужно взять новую пункцию. Вчерашние результаты показали аномалию. Я хочу перепроверить.

— Я хотел бы извиниться.

— Не нужно. Все в порядке, — я постаралась посмотреть на него ровно без эмоций. Подошла к крану, открыла воду, тщательно вымывая руки... — Вчера... ничего не было. Забудьте.

Он резко шагнул ко мне.

— Вера, может, хватит себя вести как...

— Как кто? — я выключила воду, вытерла руки полотенцем и только потом повернулась к нему. Встретила его взгляд — тяжелый, прожигающий. — Я врач, а вы пациент. Давайте не будем все усложнять. Так будет лучше для всех. Я продолжу спокойно выполнять свою работу, а вы отправитесь на фронт, как только вас вылечу.

— Мы в первую очередь взрослые люди, — он шагнул еще ближе, — И усложняешь все ты.

— Рикард, вы вправе отменить свою помощь. Я не...

— За кого ты меня принимаешь? — теперь уже он перебил меня. Нахмурился и уставился меня с вертикальным драконьим зрачком.

— За человека дела. Я не выполнила свою часть сделки, так что я пойму, если вы не выполните свою. Просто присядьте. Нам нужно разобраться с вашим состоянием.

— Я здоров.

— Я так не думаю.

— Вера.

— Рикард.

Мы смотрели друг другу в глаза и никто не собирался от-

ступать, придерживаясь своей точки зрения, считая себя абсолютно правым.

Он — уверенный, что с ним всё в порядке, что проклятия нет, что я просто перестраховываюсь. Я — знающая, что магия обманчива, что проклятия умеют ждать, что нельзя доверять тому, что чувствуешь, когда речь идет о жизни и смерти.

— Хорошо, — сказал он глухо, — Делай, что должна.

Доркан молча приспустил штаны, в этот раз даже просить не пришлось. Он сел на кровать, вытянул ногу. Я взяла шприц, подошла, наклонилась и замерла...

Трусы мужчины топорщились. Ткань была натянута так, что сомнений не оставалось. Я замерла с иглой в руке, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

Серьезно?!

Боже. Это уже слишком. Понятно, что мужская физиология и все такое... но сегодня это было выше моих сил.

“Мы взрослые люди” — напомнила себе его слова, — “Меня не должно выбивать из колеи эрегированное состояние мужского органа.” Я и не с таким сталкивалась... Всякое бывало. На моей практике и курьезные ситуации случались. У меня профессиональный иммунитет. Я не должна реагировать. Но сейчас... сейчас почему-то не получалось.

— Дружище, это просто великолепно... — дверь распахнулась, и в проходе показался вчерашний знакомый генерала, спасший меня.

Он замер сначала, а после его улыбка стала еще шире.

— Ух как у вас тут напряженно. Надеюсь, я не помешал?

— перевел он взгляд на шприц в моей руке.

— Нет, — я.

— Да, — генерал.

Мы ответили одновременно. Черт бы побрал румянец, за-
топивший щеки как у девчонки. Да что со мной такое?!

— Почти не помешали, — поправилась я, — выпрямила
спину, — Я закончу процедуру, и генерал в вашем распоря-
жении.

Мужчина перевел взгляд с меня на друга, с друга на меня.
Усмехнулся.

— Я лучше в другой раз зайду, — сказал он, делая шаг
назад.

— В этом нет необходимости, — строго ответила, чув-
ствуя, что если он сейчас уйдет, то это будет ужасно, — По-
дождите в коридоре. Я быстро.

ГЛАВА 13

РИКАРД

Давненько я не спал ночь. Из-за бабы. Точнее, иначе... из-за того, что она сделала мне мозги, дала отворот-поворот, а ведь могли скрасить эту холодную ночь иначе. Я ворочался с боку на бок, сбивал простыни в комки, смотрел в потолок и проклинал себя за то, что не пошел к ней. За то, что позволил ей уйти. За то, что слушал её «нет», когда всё внутри кричало «да».

Чувствовал же, что она хочет. Это и спровоцировало. Её дыхание, когда мои губы накрыли её. Её руки, которые вцепились в мою рубашку. Её тело, которое прильнуло ко мне, будто искало защиты. Она хотела большего. А слова врут.

Поспешил. Не думал, что случай настолько запущенный...

Дракон буквально хотел ее проглотить всю целиком, чтобы и забыла все глупости. Чтобы в голове никаких проблем не осталось, а только мое имя на устах!

Я хотел её. Хотел так, что зубы сводило.

Хотел ночью пойти к ней. Но сдержался. Наутро жалел.

Никогда не бегал за девицами, и сейчас не пристало бы. Я привык, что они сами приходят. Сами падают к ногам, предлагают себя, даже когда я не прошу.

А она не предлагала. Лишь злила меня своим показным

равнодушием. Кого она хочет обмануть? Если только себя.

Но утром, когда она пришла, понял что точно не смогу отступить и заполучу что хочу. Стоило ей войти, у меня в штанах моментально отреагировало. Штык-нож был готов к бою, а команда “смирно” на него не действовала.

Злость и неудовлетворение кипели в груди, наливались свинцом в паху.

Я старался сбить это наваждение, но выходило с трудом.

Я даже извинился. Рот сам что-то говорил, какие-то слова, которые она хотела услышать, а я был весь пропитан похотью.

И лучше бы ей со мной сейчас не спорить.

Но куда там... Она делала только хуже. Холодный взгляд. Ровный голос. «Я врач, вы пациент».

Вера... Вера...

И пусть видит, что доигралась.

Оставалось только схватить ее и усадить на себя.

Почему не сделал это ночью?! Почему позволил себе усомниться? Почему решил, что она заслуживает времени, а не натиска? Похоже, старею, раз теряю хватку и принимаю неверные стратегические решения. Раньше я брал то, что хотел. Без сомнений. Без угрызений совести. А теперь стою, смотрю на неё и боюсь сделать лишний шаг.

Она была и так холодна, и после того как «очень вовремя» пришёл Руннер, так и вообще стала неприступна. Даже смотреть на меня перестала. Закончила пункцию, сухо по-

прощалась и ушла, не оборачиваясь. А я остался с торчащим стояком и чувством, что проиграл важное сражение, даже не начав бой.

— У тебя разве что пар не из ушей не идет, — верно подметил мое состояние друг.

— Довела.

— Ну, как надоест ходить вокруг да около, — он пожал плечами, — Я могу помочь. Я, знаешь ли, её помощницу за один вечер уломал. Хотя там и уговаривать не пришлось. Всё моё очарование, — он развёл руками, изображая скромность, — Которого у тебя, к сожалению, нет.

— Заткнись.

— Понял, — он поднял руки в примирительном жесте, переставая улыбаться. — Я с хорошими новостями. Твоя просьба выполнена в лучшем виде. Старина Ревард пойман за хвост. Причём с меня еще и причитается, — он усмехнулся, и в глазах его мелькнул холодный, деловой блеск. — У него нашлось столько всего, что уверен, и меня руководство отблагодарит. Удачно мы капнули.

— Хорошо. Спасибо.

— Это не всё, — Руннер понизил голос и оглянулся по сторонам, хотя в палате мы были одни, — Ещё кое-что случайно узнал... про твою миссис Грин. — Интересно? — он поднял бровь, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

— Выкладывай, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё напряглось.

Руннер помолчал секунду, собираясь с мыслями.

— У неё проблемы с наследством, — сказал он наконец. — Лечебница, которую ей оставила старая хозяйка, формально её. Но есть сын. Он оспаривает завещание. Говорит, что мать была не в себе, когда подписывала бумаги. Что Вера её... охмурила. Или приворожила. В общем, стандартный набор.

— И что, у него есть шансы? — спросил я.

— Пока не ясно, — Руннер покачал головой. — Но он нашёл инвесторов. Каких-то людей, которые готовы вложить деньги в лечебницу. С условием, что Вера уйдёт. Или останется, но в подчинении. В общем, ситуация... неприятная.

Я сжал зубы.

— Кто эти люди?

— Пока не выяснил, — Руннер развел руками, — Но работаю над этим. Этот сынок... сам по себе полное ничтожество. Без чьей-либо поддержки он никуда не сунется. За ним кто-то явно стоит... тот, кому нужна эта лечебница.

— Мне нужно, чтобы ты нашел, нашел их всех. И предполагаемых и инвесторов и возможного покровителя.

— Найду, — кивнул друг, — Но и ты сам, будь осторожен. Сейчас в городе не спокойно. Мало ли кто за ними стоит. Сейчас участились случаи с проклятой магией.

— Я справлюсь. За меня можешь не переживать, — перебил я.

Руннер посмотрел на меня внимательно, но спорить не

стал. Он прекрасно знал, что если я что-то решил, меня не переубедить.

— Ладно, пойду поработаю. А ты... — он усмехнулся, — Попробуй не думать о ней, хотя бы час, а лучше другой. Вдруг легче станет.

— Не станет, — буркнул я.

Он лишь покачал головой и направился к выходу, но у самой двери остановился и слегка обернулся.

— И Доркан? — окликнул меня Руннер.

— Что?

— Штаны застегни, — усмехнулся он. — А то несерьёзно выглядишь.

Я лишь недовольно хмыкнул в ответ, но когда Руннер покинул палату, штаны все же застегнул.

Некоторое время, я действительно пытался не думать о Вере, точнее, конечно же думал, но никак о женщине, а как о человеке, который притянул к себе слишком много проблем за последнее время. И что уж тут греха таить, я был одной из этих проблем.

Но сейчас главное было другое. Я и подумать не мог, что вокруг этой лечебницы будет виться столько негативных событий, хотя это может быть мне и на руку. Пришло время стать тем самым рыцарем, который сможет спасти неприступную и холодную миссис Грин, а там она уже и устоять не сможет, сама падет на мои колени.

Да... определенно стоит попробовать. Осталось только

дождаться информации от Руннера.

ГЛАВА 14

БЕРА

После пункции к нам поступили еще два пациента. Один — с сильным магическим ожогом руки, второй — с подозрением на воспаление легких. Дел было невпроворот. Я успела провести осмотр, назначить лечение, заполнить карты, проверить анализы, отдать распоряжения медсестрам. Руки работали, голова была занята, и это было хорошо. Так можно было забыться и не думать о личном.

Жилось же мне прекрасно — никаких мужчин! И проблем не было. Только работа, пациенты, лечебница. Я сама себе хозяйка. Я сама решаю, что мне делать.

Все этот Доркан! Со своей справкой. Взялся из ниоткуда весь такой самоуверенный и мужественный. Ходячий тестостерон. От таких нужно держаться подальше.

Но Лия не разделяла моего негатива к противоположному полу. Она разве что не летала по коридорам, улыбалась и расточала счастье. Ее глаза сияли, на щеках горел румянец.

— Лия, соберись! — попросила я ее перед операцией. Помощница летала в облаках, вместо того чтобы готовить инструменты. Она перекладывала скальпели с места на место, смотрела в окно и улыбалась чему-то своему.

— Простите, миссис Грин, — она вздрогнула, вернулась в реальность и виновато посмотрела на меня, — Просто он

и сегодня пришел.

— Кто? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Иктер, — выдохнула она, — Друг вашего генерала.

— Лия, — я вздохнула, поправляя халат, — Он не мой.

— Простите, — она опустила глаза, но улыбка не сходила с ее лица, — Не мое это дело. Но он сказал... — она запнулась, видимо, не зная, стоит ли продолжать.

— Что сказал? — все же спросила, хотя должна была остановить её. Должна была сказать: «Меня не интересует, что там говорит друг генерала». Но любопытство взяло верх.

— Он сказал, что генерал от вас без ума, — выпалила Лия, и глаза ее загорелись. — Что он никогда не видел Рикарда таким, — Лия сделала паузу, — Мистер Доркан весьма привлекательный мужчина. Вам стоит присмотреться.

— Лия, — ответила, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — Генерал — мой пациент. И всё, что между нами происходит, касается только его здоровья.

— Для здоровья еще кое-что полезно, — она покраснела.

— С этим у меня проблем нет.

Мы обе знали, что я говорю неправду. Я давно замужем за лечебницей, и ни с кем ей не изменяю.

Я привыкла. Я убедила себя, что мне это не нужно. Что работа лучшее лекарство от одиночества. Что пациенты, операции, отчеты — вот что действительно важно. А всё остальное — лишнее, отвлекающее, опасное.

Но Лия смотрела на меня с таким пониманием, что я по-

чувствовала себя обнаженной.

— Миссис Грин, — сказала она тихо, — вы же не железная. И он... он правда смотрит на вас так, — она закусила губу. Я видела.

Да, я видела. Он не просто смотрит, а прожигает взглядом. Никогда не тушевалась под мужскими взглядами — и вот на тебе!

Для здоровья может действительно и полезно. Не только для мужского, но и для женского тоже. И если бы я была другой — смелее, легче, не такой сломанной прошлым, может, я бы позволила себе то, о чем она говорит. Может, я бы уже сейчас была в его объятиях, забыв про все запреты и правила. Но я не умела.

Операция заняла два часа. Магический ожог оказался глубже, чем я думала. Темные нити проклятия уходили в мышечные ткани, оплетали сосуды. Пришлось иссекать поврежденные участки, накладывать специальные швы, обрабатывать рану нейтрализатором.

Под конец дня у меня ужасно болела спина, а руки дрожали от напряжения.

— Лия, ты сегодня молодец. Спасибо, что собралась.

— Я рада, что смогла помочь, — она улыбнулась, но улыбка все еще была какой-то рассеянной. И я поняла, ее мысли были все еще там, с Истером.

— Ладно, иди. Твоя смена уже почти закончилась. Отдохни.

Она кивнула и вышла.

Я оставила распоряжения Эресту и после этого решила проверить состояние генерала. Вечерний обход никто не отменял. Но как только я вспоминала о нем, по телу пробегали мурашки. Особенно, когда я вспоминала слова Лии.

“Он правда смотрит на вас так”

Да, смотрит... но толку, если я не могу ему доверять? Если каждый раз, когда он приближается, я жду подвоха? Если в голове все еще звучит голос Кости: “Это просто шаг по карьерной лестнице”?

Я вздохнула, поправила халат и вышла в коридор.

Обход решила начать с Милены. Девушка спала, свернувшись калачиком под одеялом. Я проверила ее повязки, пульс, температуру и удостоверившись, что все в порядке, пошла дальше. Патрульные тоже шли на поправку.

Осталось проверить генерала.

Я подошла к его палате. За дверью, как обычно было тихо. Постучала. Тишина. Я толкнула дверь и вошла.

Палата оказалась пустой.

На тумбочке стояла стопка книг, стакан с недопитым соком, окно приоткрыто. Но генерала... не было.

Куда же он мог пойти? Да и еще в такое время.

Первой мыслью было, что сбежал. Но учитывая, что ему была необходима справка, это было весьма сомнительно.

Я вышла в коридор, оглядываясь по сторонам. Медсестры

на посту не оказалось, видимо, куда-то отошла.

– Миссис Грин, – послышался знакомый голос с другой стороны.

Я обернулась и увидела генерала, который неторопливо направлялся в сторону своей палаты.

– Где вы были? – обратилась я к нему.

– Выходил подышать. Или здесь и это запрещено?

Не знаю почему, но я не поверила его словам.

– В мундире? С больной ногой? – я уже чувствовала, как закипает раздражение.

– Нога почти не болит, – бросил он через плечо, открывая дверь в палату.

Я пошла следом.

– Не врите мне. Я врач. Я вижу, когда пациенту больно.

– Хорошо, – сказал он, садясь на кровать, – Было больно, но я справился.

– Это не ответ.

– Я же сказал, я пошел подышать свежим воздухом.

– В мундире? – вновь повторила я, – Вечером? Когда уже стемнело?

Он уже ничего не ответил, а я поняла, что спорить с ним совершенно бесполезно. Он уперся, как настоящий дракон и словами его не прошибить.

Проведя проверку состояния его ноги, я поспешила покинуть его палату. Мне не хотелось долго оставаться с ним наедине.

– Уже уходите? – спросил он, когда я уже направилась к двери.

– У меня кроме вас, есть еще и другие пациенты. Зайду утром.

Он кивнул и я вышла из палаты.

Закончив обход, спустилась на первый этаж, собираясь зайти к себе в кабинет, но у поста медсестер услышала голоса.

– ... серьезно? – спрашивала Мина, – Генерал? Куда-то уезжал?

– Да, – ответила вторая, – Я сама видела. Он сел в карету и уехал. Но достаточно быстро вернулся.

– А миссис Грин знает?

– Я не стала ее спрашивать. Скорее всего, знает. Она ему многое позволяет.

Вот же, только сплетен мне не хватало!

Но задело не только это. Вот же... обманщик. Я так и думала, что здесь что-то не чисто. Но сейчас нет времени выяснять отношения. Оставлю этот разговор на утро, а сейчас мне надо отдохнуть.

Ночь выдалась беспокойной.

Я ворочалась в постели и никак не могла уснуть, смотрела в потолок и прокручивала в голове разговор у поста медсестер. “Он сел в карету и уехал”. “Достаточно быстро вернулся”.

ся”. “Миссис Грин ему многое позволяет”.

Вот же... обманщик!

Вышел он подышать... в мундире... вечером... с больной ногой. И это он мне говорил смотря прямо в глаза!

Самоуверенный, наглый... решил рисковать не только своим здоровьем, но и моей репутацией, просто потому что ему так захотелось. А я несу за него ответственность! За него, за других пациентов находящихся в моей лечебнице.

Снова ложь, снова от мужчины... которому, похоже, доверять нельзя.

Я села на кровати, обхватив колени руками.

– Ну почему? – прошептала я в темноту. – Почему все всегда так?

Ответа не было.

Я легла обратно, закрыла глаза и заставила себя думать о работе. О Милене, которую нужно готовить к выписке. О новом пациенте с ожогом. Обо всем, кроме генерала.

Но он все равно лез в мысли. Его голос... его глаза... его руки, которые сжимали мою талию и его губы, которые шептали: “Я хочу тебя”.

– Хватит! – сказала я себе вслух, – Он лжет... лжет, как и все.

Я перевернулась на другой бок и укуталась в одеяло.

Утро наступило слишком быстро.

На планерке Эрест смотрел на меня с беспокойством, но ничего не спросил. Лия тоже заметила, но промолчала. Хо-

рошие у меня сотрудники, чувствуют, когда лучше не лезть.

После обсуждения и распределения всех дел, отправилась на обход. Сначала Милена, потом патрульные, потом новый пациент.

Оставался генерал.

Я подошла к его палате, постучала и вошла, не дожидаясь ответа.

Он сидел на кровати. При моем появлении поднял голову, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на ожидание, или возможно напряжение.

– Доброе утро, – сказал он.

– Доброе, – ответила я, закрывая за собой дверь.

Я подошла к столу, взяла его карту, сделала вид, что изучаю записи. На самом деле я собиралась с духом. Потому что если сейчас начну говорить, остановиться будет трудно.

– Вера? – он нахмурился. – Что-то случилось?

Я подняла голову.

– Вы мне солгали, мистер Доркан.

Он замер.

– Я не совсем понимаю... о чем...

– Вчера вечером. Вы сказали, что выходили подышать. Но на самом деле вы покидали лечебницу. Уезжали куда-то на карете, – не дала ему договорить. Не хотела больше слушать его вранье.

Он молча смотрел на меня, и в его взгляде не было раскаяния. Только спокойствие. И это бесило еще больше.

– Вы не отрицаете? – спросила я, чувствуя, как внутри закипает злость.

– Не вижу смысла, – он откинулся на подушки, – Ты уже все знаешь.

– Я знаю только то, что вы мне солгали, – я шагнула ближе. – Я спрашиваю... зачем? Зачем нужно было врать? Зачем покидать лечебницу без моего разрешения? Вы мой пациент, мистер Доркан. Я отвечаю за ваше здоровье!

– С моим здоровьем все в порядке.

– Нет, не в порядке! – не выдержала и уже повысила голос, – У вас непонятное проклятие, которое может активироваться в любую минуту, а вы... вы уезжаете неизвестно куда, неизвестно зачем, и даже не предупреждаете меня!

— Ваша пункция этого не показала.

— Новые результаты еще не пришли, — я не разделяла его уверенности, и мне впервые не удавалось достучаться до пациента.

Это раздражало.

— У меня были срочные дела. А ты преувеличиваешь, — проговорил спокойно, будто ничего не произошло. — Мне не десять, чтобы отчитываться...

Он замолчал, но я и так поняла. Перед женщиной. Я подавила в себе вспышку агрессии.

— Есть определенные правила в больнице и в следующий раз прошу их выполнять.

Я не стала больше ругаться, еще выставит истеричной осо-

бой. Он соврал. Это о многом говорило.

— Вера, — сказал он тихо, — Ты просто устала. Может, лучше выпьем чаю? Поговорим спокойно?

— Нет, — покачала головой, чувствуя, как внутри поднимается ком горечи, — И да, я устала. Моя смена закончена. Увидимся завтра.

— Подожди, — он окликнул меня, когда я уже взялась за ручку двери, — Я не сказал, потому что хотел сделать тебе сюрприз. Но ты все узнала.

О чем он? Неужели опять пытается выкрутиться, придумать новую ложь, чтобы обелить себя в моих глазах?

— Что? — я прищурилась.

— Я разобрался с Ревардом, как и обещал.

Он подошел ближе.

— Не хочешь свидания — его не будет. Но сделать приятное женщине, которая нравится, ты мне не запретишь, — он облокотился на косяк двери, наблюдая за мной.

Я наверняка глупо захлопала глазами и замерла с открытым ртом. Он тут же переместил свой взгляд на мои губы. Задержался на них. Я почувствовала, как внутри всё сжимается в ожидании, и подумала, что он сейчас снова наклонится и поцелует меня. Но этого не происходило.

— Благодарю, — сказала я хрипло, прочищая горло, — Это... это очень благородно с вашей стороны, мистер Доркан.

— Рикард, — поправил он мягко, — Просто называй меня по имени.

— Рикард, — повторила и замялась, — Спасибо. Правда. Я не знаю, что еще сказать.

— А ничего и не надо, — он пожал плечами и оттолкнулся от косяка, возвращаясь к кровати, — Иди отдыхай. Ты и правда выглядишь уставшей.

Я кивнула, развернулась и вышла в коридор. Закрыла за собой дверь, прислонилась к стене и выдохнула.

Спалось в эту ночь лучше. Одной проблемой стало меньше. Нужно сообщить Милене хорошие новости. Правда эта услуга так и осталась неоплаченная мной. Рикард больше не настаивал на свидании. Я же этого хотела, да?

А утром я убедилась, что ни один Доркан выполняет обещания. Джерад сдержал все-таки свое слово.

ГЛАВА 15

БЕРА

Я еще не вошла в свой кабинет, но уже поняла, что что-то не так. В коридоре испуганно смотрели медсестры. А мне навстречу шел Эрест. Заместитель выглядел непривычно — лицо напряженное, губы сжаты, в глазах тревога. Он почти бежал, на ходу оглядываясь через плечо, и когда поравнялся со мной, схватил за локоть, уводя в сторону, чтобы никто не слышал.

— Миссис Грин, — заговорил он тихо, почти шепотом, — там люди из Управления и комиссии... Четверо. Это как-то связано с тем патрульным? — взволнованно спросил чуть тише мой заместитель.

— Не знаю, — ответила правду. Сама не исключала ни одного варианта.

Распахнула дверь своего кабинета, как на меня уставились четыре пары глаз. Все мужские. Один из них сидел в моем кресле и нагло рылся в бумагах. Картах пациентов, финансовых отчетов, личных записях.

— Что вы себе позволяете?! — поспешила к столу, желая приструнить его, но меня остановил инспектор Торн, который приходил в прошлый раз.

— Миссис Грин, вы отстранены от должности Главного врача лечебницы.

Слова ударили, как пощечина. Я замерла, не веря своим ушам. Отстранена?

— На каком основании? Это моя лечебница. Нарушений по госзаказам нет. Все отчеты сданы вовремя, финансы в порядке, лицензия действительна. Значит, вы не имеете права вмешиваться.

Я знала свои права. Без веской причины меня нельзя отстранить.

Но то, что здесь находился Джерард, наводило на смутные мысли. Он стоял у окна, прислонившись к подоконнику, с неизменной наглой ухмылкой на лице. Он обещал что-то устроить... И, видимо, устроил. Я бросила на него взгляд, желая испепелить на месте. Он ухмыльнулся в ответ, пожал плечами, будто говорил: «Я же предупреждал».

— Пока идет расследование по факту смерти патрульного Картера, вы не можете управлять лечебницей, — продолжал Торн, — И тем более проводить операции. К тому же сегодня стало известно, что вы...

Он запнулся, покосился на Джерарда, и я поняла, что это он подкинул им информацию. Какую — пока неясно, но явно не ту, что могла бы меня оправдать.

— Что я? — спросила, чувствуя, как внутри закипает злость.

— Что вы скрыли факт наличия долгов у предыдущей владелицы, — закончил Торн, — Лечебница находится в залоге у частных лиц. Это нарушает условия государственного

гранта.

Долги. Залог. Частные лица. Я перевела взгляд на Джеррарда. Он улыбнулся шире. Значит, это он подсуетился. Те самые расписки, о которых он говорил.

— Мне нужно связаться со своим адвокатом, — сказала я, стараясь сохранять спокойствие. Ни за что не покажу, что они вывели меня из равновесия.

— Конечно, вы имеете на это полное право, — спокойно ответил Торн, — А пока на ваше место назначен доктор Винтер.

— Согласованный с комиссией, — вклинился в диалог третий.

— Ты этого хотел? — подошла к Джердану, — Лечебница не игрушка. От врачей зависят жизни людей.

— Не устраивай драмы, Вера. Я хочу только того, что принадлежит мне по праву, — ответил он, — Лечебница должна была перейти ко мне. Мать была не в себе, когда подписывала бумаги. Ты этим воспользовалась.

— Я поддерживала ее и была рядом, пока ты проигрывал ее деньги в карты, — прошипела.

— Это твоя версия, — он пожал плечами. — У комиссии будет своя.

Я развернулась и вышла из кабинета, чувствуя на себе их взгляды.

В коридоре меня ждали Лия и Эрест. Лия с заплаканными глазами, Эрест — с сжатыми кулаками.

— Миссис Грин... — начала Лия, но я перебила.

— Все в порядке. Я разберусь. А вы — работайте.

— Если вы уйдете, то я уйду вместе с вами.

— Нет, Эрест, — я покачала головой, положила руку ему на плечо, — Не вздумай. Тебя уволить они не имеют права. Только тебе могу доверить пациентов. Пациенты не должны страдать. Кто-то должен проводить операции и работать с маг определителем.

Точно пункция!

— Проверь анализы генерала, — вспомнила я, — Они должны быть готовы.

Эрест кивнул.

Я оглянулась на дверь своего кабинета, за которой остались эти четверо с их папками и холодными лицами. Джерард, наверное, уже празднует победу. Но праздновать рано. Я не сдамся.

Мне нужно было срочно поговорить с мистером Жердоном, моим адвокатом. Когда миссис Эдна составляла завещание, он утверждал, что проблем не будет, что я могу спокойно руководить лечебницей, что все бумаги в порядке. Я ему верила. Но, видимо, не учла кое-что — человеческую подлость. И то, что Джерард окажется ещё более изворотливым, чем я думала.

Больше не раздумывая, направилась в город.

Конечно, я была расстроена. Но в груди горел огонь, жажда справедливости. Упрямая вера в то, что правда на моей

стороне.

Я в очередной раз убеждаюсь, что в любой момент все может измениться. Только ты был врачом лечебницы и раз... тебя отстранили, навешали то, чего я не делала. Обвиняют в том, в чём ты не виновата. И даже не дают сказать слова в свою защиту.

В своём мире я не была готова к такому повороту. Тогда, в прошлой жизни, когда меня обвинили в краже лекарств, когда подставили, оклеветали, когда следователь смотрел на меня с холодным равнодушием и говорил: «Ваша карьера, Вера Сергеевна, закончена», я сломалась.

История повторялась. Те же обвинения, та же несправедливость, те же люди, которые вершат судьбы, не разобравшись. Но в этот раз я не буду плакать. Вряд ли я снова провалюсь в люк и окажусь в новом мире.. Нет, теперь я стала сильнее.

Я буду бороться. Чего бы это ни стоило.

Добравшись до мостовой на экипаже, вышла на набережной, свернула на улицу, где находилась контора мистера Жердона. Небольшое двухэтажное здание из серого камня, с вывеской «Юридическая практика. Торнтон Жердон и партнёры». Я толкнула тяжёлую дубовую дверь и вошла.

Секретарша, пожилая женщина с остреньким носиком и внимательными глазами, подняла голову от бумаг. Её звали миссис Пим, и она работала у Жердона уже много лет, и зна-

ла всех клиентов.

— Миссис Грин, — узнала она и меня, — Вы к мистеру Жердону?

— Да. Мне нужно его видеть. Срочно.

— Придётся подождать, — она вздохнула, кивнув на закрытую дверь кабинета. — У него клиент. Важный. Из магистрата.

— Конечно, — я опустила на деревянную скамью у стены, поставила сумку на колени, — Я подожду.

Теперь торопиться некуда. Я отстранена. Подумать только!

Дверь кабинета открылась, и оттуда вышел мужчина в дорогом плаще. Важный, с надменным лицом. Даже не взглянул в мою сторону. Секретарша миссис Пим посторонилась, пропуская его, и только когда дверь за ним закрылась, сказала:

— Можете заходить, миссис Грин. Мистер Жердон вас примет.

Я поднялась и зашла в кабинет.

Мистер Жердон сидел за столом, заваленным бумагами. Он был из тех адвокатов, которые внушают доверие одним своим видом: седина на висках, дорогой костюм, внимательный и цепкий взгляд.

— Вера, — поднялся он, протягивая руку. — Рад вас видеть. Хотя, по вашему лицу не могу сказать, что вы пришли с хорошими новостями.

– Здравствуйте, мистер Жердон, – пожала его руку и села в кресло напротив, – Новости действительно плохие... Меня отстранили от должности главного врача.

Он удивленно поднял бровь.

– На каком основании?

– Смерть патрульного Картера. И... долги миссис Эдны. Джерард утверждает, что лечебница находится в залоге у частных лиц, а Комиссия поверила ему.

Жердон помолчал, обдумывая информацию.

– Долги, о которых мы не знали, – сказал задумчиво он, – Это меняет дело. Если расписки действительно существуют и они подлинные...

– Они не могут быть подлинными! – перебила его, – Миссис Эдна ничего мне не говорила о долгах. Я проверяла финансы, все было в порядке.

– Значит, расписки могли появиться позже, – Жердон посмотрел на меня внимательно, – Или их подделали, но это нужно доказывать. А доказывать, Вера, – время и деньги.

– У меня нет времени, – я чувствовала, как внутри нарастает отчаяние, – Комиссия уже назначила нового главного врача. Джерард не остановится. Он хочет забрать лечебницу.

– Поэтому мы должны действовать быстро, – Жердон открыл папку, достал чистый лист бумаги. – Я возьмусь за ваше дело. Но сразу предупрежу: это будет не быстро. Расследование, запросы, проверки документов... даже в лучшем случае процесс займет несколько недель. А пока вы отстранены.

– Несколько недель? – я почувствовала, как земля уходит из-под ног, – Но... но что будет с лечебницей? С пациентами?

– Лечебница продолжит работу. Новый главный врач... – сделал паузу, – Кто он, кстати?

– Доктор Винтер, – ответила, – Я не знаю его.

– Значит, будет работать, как сможет, – Адвокат пожал плечами. – А вы, Вера, должны думать о себе. О том, как доказать свою правоту.

Я кивнула. Он был прав. Сейчас не время жалеть себя.

– Сколько это будет стоить? – спросила я, хотя уже боялась услышать ответ.

Жердон помолчал, потом назвал сумму.

У меня перехватило дыхание. Денег таких у меня не было. Совсем. Лечебница едва сводила концы с концами, мои личные сбережения ушли на оборудование и лекарства.

– Я... у меня нет столько, – сказала тихо, – Но я найду. Обещаю.

– Вера, – Жердон посмотрел на меня с сочувствием, – я понимаю ваше положение и я готов взяться за дело. Но без оплаты... у меня очень много клиентов...

– Я понимаю, – сказала, вставая с кресла, – Дайте мне немного времени. Я найду деньги.

– Хорошо, – он кивнул, – Но не затягивайте пожалуйста. Чем раньше начнем, тем больше шансов.

Я вышла из кабинета, прошла мимо миссис Пим, не видя

ее, не слыша ее прощания. Вышла на улицу, сделала несколько шагов и остановилась.

Отчаяние захлестнуло меня.

— Что же мне делать... что же делать... — прошептала я.

Я вернулась в лечебницу и ушла в административный корпус. Зайдя в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, закрыв глаза. Мысли путались, а руки дрожали.

Попытавшись взять себя в руки, прошла к кровати и села. Все рушилось. Лечебница, которую мне доверила миссис Эдна, в которую я вложила душу, силы, деньги... это все хотят у меня отобрать. А я... я пока ничего не могу с этим сделать.

У меня не было денег, не было связей, чтобы хоть как-то повлиять на комиссию. А главное, не было доказательств, что Джерард врет.

Я была одна. Совсем одна.

У меня даже дома нет. Лечебница — мой дом, и если они докажут, то могут и отсюда меня выгнать, лишить крыши над головой.

Слезы наворачивались на глазах, я чувствовала, как я слаба, так беспомощна и это меня пожирало изнутри. К такому я не была готова. Я вкладывала в лечебницу, недавно мы приобрели тот самый новый маг определитель. Кто же знал, что деньги потребуются так срочно?!

В дверь постучали.

Интересно, кто бы это мог быть, да и еще в такое время?

Эрест? Лия?

– Войдите, – сказала я, вытирая слезы.

Дверь открылась, а на пороге стоял... генерал.

Он стоял в дверях моей комнаты, опираясь на трость, без мундира, в одной рубашке и брюках.

– Вера, – сказал он тихо, – Я узнал, что случилось. Эрест сказал во время вечернего обхода, – он вошел, закрыв за собой дверь, – Ты отстранена.

– Да... отстранена...

– И ты мне ничего не сказала.

– А чтобы это изменило? – подняв голову, посмотрела на него. – Ты не можешь повлиять на Комиссию. Ты не можешь вернуть мне должность. Ты не можешь...

– Я могу быть рядом, – не дал он мне договорить, перебив.

Доркан подошел ближе и сел на край кровати, рядом со мной.

– Расскажи, что произошло.

Я молчала. Не хотела говорить, не хотела, чтобы он видел меня такой... такой слабой, растерянной и сломленной.

– Вера, – он взял мою руку. – Я хочу помочь.

– Чем? – я горько усмехнулась, – Деньгами? У тебя они есть, да. Но я не продаюсь, Рикард. Ты же знаешь.

– Я просто предлагаю помощь. Без условий, без обязательств. Я просто хочу тебе помочь, пойми это.

Я посмотрела на него. В его глазах не было насмешки, не было того самоуверенного блеска, который бесил меня в пер-

вые дни. Наоборот, я видела искренность в желании помочь.

– У меня нет денег на адвоката, – сказала я, чувствуя, как голос начинает предательски дрожать, – Жердон готов взяться, но... это дорого. А я не могу...

– Я оплачу.

– Рикард...

– Вера, послушай меня еще раз. Я не покупаю тебя и не требую ничего взамен. И то что я сейчас сделаю к деньгам не имеет никакого отношения.

ГЛАВА 16

БЕРА

Не успела я ничего ответить, как его губы накрыли мои. Нежно и напористо одновременно. Не знаю, как у него это выходило — сочетать такую разную силу, быть одновременно мягким и требовательным, ласковым и жадным.

Не смогла оттолкнуть. Мои руки, которые должны были упереться ему в грудь, вместо этого скользнули по его плечам, обвили шею, притянули ближе.

Я ответила на поцелуй, позволяя углубить его.

Его дыхание смешалось с моим, горячее, прерывистое, словно он боялся, что это мгновение оборвется.

Я чувствовала, как его сердце часто бьётся в такт моему. Мы дышали в унисон, и в этом было что-то пугающе правильное, будто так и должно быть. Будто мы всегда должны были оказаться здесь — в этой комнате... в этом поцелуе, который стирал все границы.

Я на мгновение оторвалась от мужчины, но он не позволил опомниться, усомниться. Наверное, боялся, что я снова включу голову и заведу речь о враче и пациенте, о правилах и приличиях, о том, что мы не должны этого делать.

Рикард провёл рукой по моей спине, прижимая ближе, и я почувствовала, как его пальцы вплелись в мои волосы, выбившиеся из пучка.

— Иди сюда, — прошептал он, и голос его был низким, хриплым, почти умоляющим, — Не думай ни о чём.

И я послушалась. Впервые за долгое вре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.